

Л.Р. Павлинская

НАБОРНЫЕ ПОЯСА В КУЛЬТУРАХ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Наборный пояс, т.е. пояс, декорированный накладными металлическими (иногда костяными) пластинами или бляшками – одно из тех явлений культуры, которое постоянно привлекает внимание исследователей. По наборным поясам существует целый ряд специальных работ [Распопова 1965; Макарова, Плетнева 1983; Магомедов 1988; Добжанский 1990], и уж поистине невозможно перечислить те исследования, в которых наборный пояс не рассматривался бы в связи с анализом костюма, вооружения, народного декоративно-прикладного искусства и более общих вопросов этно- и культурогенеза народов евразийского континента. Столь широкий интерес к наборному поясу со стороны самых разных специалистов объясняется, с одной стороны, высоким семиотическим статусом наборного пояса (и пояса вообще) в культурах широкого круга народов, что определило необычайную устойчивость данного феномена во времени, с другой – огромным ареалом его распространения на территории Старого Света.

История этого украшения насчитывает около трех тысячелетий. И хотя на протяжении этого периода пояс претерпевал различные изменения, в некоторых культурах он сохранился до середины XX в. Появление наборного пояса относится к концу II тыс. до н.э. и связано с культурой кочевых скотоводческих народов Великой степи [Добжанский 1990, с. 16]. Однако реальное бытование наборного пояса выходит далеко за пределы распространения кочевой культуры, отражая то колоссальное влияние, которое она оказала в силу своей динамичности на народы соседних регионов. Следует подчеркнуть, что ареал наборных поясов существенно менялся во времени. Так, в XIX – начале XX вв. такие пояса были распространены у народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, в культурах Кавказа, Передней Азии и Восточной Европы. В эпоху средневековья ареал их был значительно шире и охватывал дополнительно территорию Центральной Азии и Западной Европы, от Амура до Австрии и Германии.

Длительность существования наборного пояса в культурах Азии и Европы и широта его распространения привели к тому, что изучение различных аспектов этого явления оказалось рассыпанным по работам, посвященным локальным культурам или отдельным проблемам того или иного исторического периода. Накопленный материал настоятельно требует широкого обобщения, подготовки хорошо иллюстрированного монографического издания, в котором была бы изложена история развития наборного пояса, разработана его типология, выявлено то общее и особенное, что присуще этому явлению в разных культурах. Первый шаг в этом направлении

уже сделан. В небольшой, но достаточно обстоятельной монографии В.Н. Добжанского «Наборные пояса кочевников Азии» сведены воедино материалы по наборным поясам кочевых культур степного региона скифского и древнетюркского времени. Но это лишь начало обобщающего исследования, которого требует материал, охватывающий едва ли не половину известных в Старом Свете культур. Уверена, что подобная работа не только внесла бы большой вклад в изучение такого культурного явления, как наборный пояс, но и раскрыла новые горизонты в исследовании этно- и культурогенеза народов Евразии на разных этапах исторического развития.

Одним из вспомогательных инструментов для будущего фундаментального труда по наборным поясам представляется предлагаемая читателю статья, которая вводит в научный оборот конкретный материал по культурам Сибири. Основным источником для нее послужили коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Российского этнографического музея, Государственного Эрмитажа и Этнографического музея в городе Осака (Япония), а также опубликованные работы этнографов и археологов, посвященные культурам евразийского региона. Следует заметить, что материал, представленный в публикациях, часто бывает трудно использовать для сопоставительного анализа, так как при описании наборных поясов отсутствуют многие характеристики, особенно связанные с технологией их изготовления. В некоторых случаях (прежде всего это касается археологических памятников) технологию невозможно восстановить ввиду плохой сохранности предмета, в других – исследователи просто не обращают на нее внимания. В то же время технологические особенности необычайно важны для выявления генезиса явления, так как отражают глубинный пласт той или иной культурной традиции. Отсутствие этих данных вызывает определенные сложности при рассмотрении наборных поясов народов Сибири и создает значительные лакуны в сравнительном анализе, тем не менее представляется, что данная публикация будет небесполезной для дальнейшего изучения этого культурного явления.

Наборные пояса сибирских народов середины XIX – начала XX вв. рассматривались многими исследователями [Прыткова 1970, с. 25; Тумахани 1970, с. 67–71; Константинов 1971, с. 69; Каплан 1974, с. 104–114; Кулемзин, Лукина 1977, с. 89–90; Грибова 1980 с. 141–142; Кочешков 1981, с. 112–119; Хомич, 1984, с. 17–19; Лукина, 1985, с. 197; Боброва, Яковлев 1994, с. 61–91; Федорова 1994, с. 142–143; Павлинская 1994, с. 54–55], что, естественно, облегчает анализ материала. Однако изучение этого феномена, как правило, не выходило за рамки его анализа в контексте конкретной культуры, а проблемы происхождения и развития украшения ограничивались констатацией факта этнокультурных контактов с народами степного региона. Поэтому в задачу данной статьи входит анализ наборных поясов народов Сибири в сравнительно-типологическом плане и определение значения этого памятника традиционных сибирских культур для изучения процессов этно- и культурогенеза в евразийском историко-культурном пространстве.

Сравнительный анализ наборного пояса у различных сибирских народов дает возможность выявить как внутренний процесс его развития (эндо-

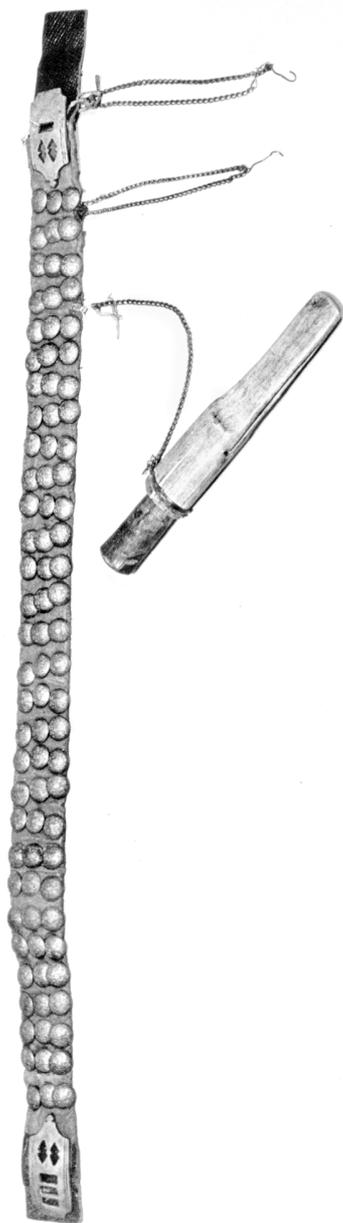

Рис. 1. Мужской наборный пояс.
Кожа, латунь. Ненцы, конец XIX-
начало XX в. МАЭ, № 1147–16.

генный), так и влияние на его формирование соседних культур (экзогенный). В этом случае большое значение имеет привлечение археологического материала древних культур Сибири, что позволяет раскрыть эти процессы на разных диахронических срезах и тем самым дать более объективную картину развития наборного пояса. Последнее возможно в основном благодаря пояскому металлическому декору, так как металл в силу своей прочности сохранился в памятниках различных исторических эпох. Художественный металл в наборных поясах представляет собой важный аспект исследования: этническая специфика значительно сильнее проявляется в накладных пластинах, чем в самой форме или конструкции пояса. При этом художественный металл в наборных поясах естественным образом связан со становлением и развитием как ремесленной традиции, так и народного искусства в целом, что в значительной степени расширяет спектр анализа, позволяя включить в него разносторонние, но взаимосвязанные явления (Рис. 1).

Наборные пояса в середине XIX – начале XX вв. на территории Сибири существовали в культурах якутов, долган, нганасан, бурят, хантов, манси, ненцев, энцев, селькупов, коми и айнов Сахалина. Л. Шренк пишет о том, что среди нанайцев и ульчей во второй половине XIX в. были распространены пояса с металлическими накладными пластинами, которые носили как мужчины, так и женщины [Шренк 1903, с. 95]. Однако в этот период у народов Амура бытовали наборные пояса якутского, реже бурятского производства (МАЭ, колл. И–1548-26, 1765–185).

Стоили они дорого и были достоянием только богатой части населения (Рис. 2). Сами же амурские народы в это время, судя по музейным коллекциям, наборные пояса не изготавливали. Но, забегаая вперед, необходимо

Рис. 2. Нанайец в наборном поясе якутской работы. Кожа, латунь. Начало XX в.

пояснить, что в эпоху средневековья, начиная с VII в. (культура мохэ) и кончая IX–XII вв. (культура чжурчженей), наборные пояса были широко распространены в амурском регионе. Это позволяет видеть в бытовании у ульчей и нанайцев в XIX в. поясов якутской или бурятской работы не простое заимствование, а скорее восстановление древней традиции, угасание которой в собственном производстве было восполнено из чужой культуры. Долганские наборные пояса были исключительно якутской работы, но их существование в культуре данного народа не вызывает удивления, если учесть, что якуты приняли активное участие в его этногенезе. Более существенное значение приобретает наличие наборного пояса в женской погребальной одежде нганасан, зафиксированное в 80-х годах XX в. сотрудником отдела этнографии Сибири МАЭ РАН Г.Н. Грачевой (МАЭ, опись колл. 6628–7). На сегодняшний день это единственный экземпляр работы якутских мастеров. Насколь-

ко позволяют судить источники, нганасаны сами наборных поясов в XIX – начале XX вв. не изготавливали. Здесь, как и в случае с нанайцами и ульчами, может играть роль тот факт, что в среде самодийских народов Сибири наборный пояс бытовал с давних времен. В культуре нганасан к середине XIX – началу XX вв. он, видимо, полностью исчез из собственной ремесленной традиции, сохранившись только в одном из самых консерватив-

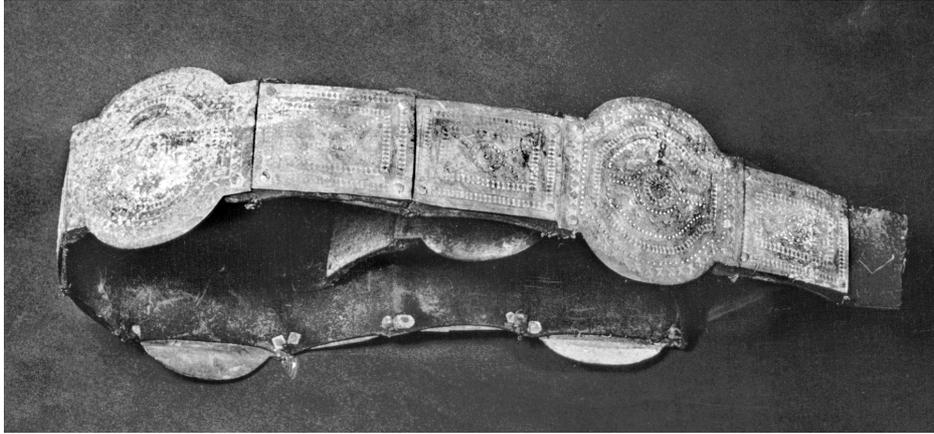

Рис. 3. Нганасанский женский погребальный наборный пояс якутской работы. Кожа, серебро, начало XX в. МАЭ, № 6628–7.

ных элементов культуры – погребальном обряде, где он восполнялся из соседней якутской культуры (Рис. 3).

Таким образом, в сибирском регионе наборные пояса присутствовали как в скотоводческих культурах, так и в культурах рыболовов-охотников и оленеводов, что само по себе свидетельствует о необычайно сложных путях развития этого явления. У обских угров, коми и самодийцев, за исключением женской погребальной одежды нганасан, наборный пояс был элементом мужского костюма; у якутов, долган, нанайцев, ульчей и айнов он входил также в состав женского костюма [Константинов 1971, с. 70; МАЭ, описи колл. 1071–29; Шренк 1903, с. 95; МАЭ; опись колл. 700–2 аб]. Существуют неоспоримые доказательства, что некогда наборный пояс входил в комплект женского костюма предбайкальских бурят (эхиритов), у которых на женскую безрукавку сзади нашивалась широкая кожаная полоса, украшенная сплошным рядом металлических накладных пластин (МАЭ, колл. 2202–48). У якутов, кроме того, существовали и детские наборные пояса (МАЭ, колл. 1071–70), которые, как можно предположить, надевались на мальчика, когда он впервые самостоятельно садился в седло.

Происхождение наборного пояса на территории Евразии все исследователи связывают с возникновением всадничества, появлением нового вида войск – кавалерии, развитием новых способов ношения оружия и ведения боя. Безусловно соглашаясь с этим положением, можно лишь добавить, что возникновение наборного пояса носило более сложный характер и его бытование в культурах охотников-рыболовов и оленеводов не являлось простым заимствованием, а имело и свои истоки. Конечно, большую роль сыграли тесные этнокультурные контакты предков этих народов с кочевниками степей. Более того, не следует забывать о прямом участии степных скотоводов на определенных исторических этапах в их этно- и культурогенезе. При этом, как представляется, большую роль играло стадийное единство культур и идеологических представлений населения Евразии степных, лесостепных и южно-таежных ареалов в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.,

которое не только обеспечивало мобильный и органичный обмен культурными ценностями между народами разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ), но и способствовало органичному вживанию заимствований в собственную культуру, где их дальнейшее развитие получало самобытный характер. Возможно, так появился наборный пояс в культуре айнов, где он типологически идентичен поясам континентальной Евразии. Наборные пояса в дальневосточном регионе, как уже говорилось, впервые появляются в культуре племен мохэ, населявших среднее течение Амура в середине I тыс. н.э. (до района нынешнего Комсомольска-на-Амуре). Хозяйство этих племен носило комплексный характер, они занимались земледелием, охотой, рыболовством и коневодством. Высоко развита была металлургия, в частности производство оружия, так необходимого для войн, которые они вели с соседями. Контакты мохэсцев с тюрками Центральной Азии были достаточно тесными, в VI–VIII вв. они даже выступали совместно с ними против Китая [Деревянко 1975, с. 108, 166]. О большом влиянии тюркской культуры на мохэ свидетельствуют многие виды вооружения, в частности именно наборные пояса, металлический декор которых практически идентичен древнетюркскому [Там же 1975, с. 144, табл. XXXIX]. Сохраняются наборные пояса и в более позднее время – в культуре чжурчженей (XII–XIII вв.), но здесь они приобретают совершенно иной облик [Медведев 1975, с. 213]. К этому времени относятся и первые письменные свидетельства китайских источников о контактах народов амурского региона с айнами [Мелехов 1970, с. 272–273], что вполне достоверно определяет путь проникновения наборного пояса на Сахалин и Хоккайдо, но в культуре этого народа он обретает свой собственный, отличный от амурского стиль.

Существование наборного пояса в столь широком круге культур позволяет говорить о том, что его истоки восходят к эпохе, предшествовавшей культуре кочевников-скотоводов, когда у охотничьих и пастушеских народов на широком пространстве Евразии должна была возникнуть традиция ношения на поясе ножа, сумки с точилом и других принадлежностей, что и явилось причиной появления наборного пояса как у кочевников-скотоводов, так и у охотников, рыболовов и оленеводов. При этом позволю себе высказать предположение, что, возможно, существовало два центра возникновения наборного пояса: степной (южный) в среде скотоводов-кочевников и лесостепной / южно-таежный (северный) в смешанной среде скотоводов / охотников / южных оленеводов.

В культурах скотоводов-кочевников наборный пояс был, прежде всего, элементом вооружения: к нему крепились колчан и налучье (в скифскую эпоху горит), нож, кинжал, меч, а позднее сабля. Именно эта функция пояса характерна для скотоводов Евразии, когда война была «ремеслом» и одним из средств быстрого обогащения, что во многом определяло динамику культуры. Однако использование наборного пояса в различных культурах позволяет говорить скорее о его полифункциональности. Хотя археологи выделяют особый тип боевого пояса, представляется, что в реальной жизни он был одновременно и военным, и охотничьим, а для широких слоев населения, возможно, и парадным. В среде знати войны могли иметь и несколько поясов, в том числе чисто парадных. В XVIII–XIX вв. в связи с

распространением огнестрельного оружия с наборного пояса исчезают колчаны и налучья и возрастает его роль как элемента парадного костюма, не только мужского, но в некоторых культурах и женского.

Подобное явление наблюдается в культурах рыболовов-охотников и оленеводов, где наборный пояс выполнял, прежде всего, функцию охотничьего пояса, к которому крепились ножны с ножом, футляр с точильным камнем и амулеты, но в то же время его надевали и во время военных столкновений, и на праздники, о чем свидетельствуют фольклорные материалы и описи музейных коллекций. У хантов, селькупов и ненцев в XIX – начале XX вв., например, кожаная основа пояса обтягивалась красным (иногда оранжевым) сукном, материалом далеко не прочным, но делающим пояс особенно нарядным, если учесть, что поверх сукна он украшался латунными или костяными бляшками (МАЭ, колл. № 2383–93, 1147–16).

Значительный интерес представляет наличие у якутов, долган, нганасан, нанайцев, ульчей и айнов женского наборного пояса, который являлся элементом праздничного (погребального) костюма. Более того, в женском праздничном костюме верхоленских бурят (эхэритов) существовало украшение, которое с полным основанием позволяет предполагать наличие в прошлом женского наборного пояса в культуре этого бурятского субэтноса. Как уже говорилось, украшение это представляло собой кожаную полосу шириной до 12 см, иногда обтянутую красным сукном. Поверхность ее заполнена металлическими накладными пластинами, идентичными пластинам, встречающимся на мужских наборных поясах. Такие полосы пришивались на безрукавки замужних женщин сзади на уровне талии (МАЭ, колл. 2583–7). Материал, технология изготовления и общий характер металлического декора не оставляют сомнений, что в данном случае перед нами реликт женского наборного пояса, некогда существовавшего у предков бурят. Отметим, что такие полосы в коллекционных описях начала XX в., несмотря на отсутствие пряжки и несоответствующую поясу длину, названы собирателями «поясами», столь поразительно их сходство с последними. В XIX в. это украшение женской одежды существовало только у верхоленских бурят (эхэритов), в этногенезе которых существенную роль сыграло древнетюркское население Предбайкалья, составившее основу и якутского этноса [Долгих 1953, с. 40]. При этом у всех народов различий в женских и мужских поясах не наблюдается.

Проблема женских наборных поясов как в этнографических, так и в археологических исследованиях, посвященных культуре кочевых скотоводческих народов, не получила специальной разработки. Появляются они в культуре ранних кочевников. Насколько позволяют судить материалы, женские наборные пояса были широко распространены в культуре хуннов. Раскопки Иволгинского городища, проведенные А.В. Давыдовой, показали, что пояс у хуннов являлся непременной принадлежностью женского костюма и был идентичен мужскому [Давыдова 1982, с. 139].

В материалах древнетюркской эпохи и более поздних женские наборные пояса в Центральной Азии и Южной Сибири встречаются крайне редко. Известен наборный пояс в женском захоронении второго Катангинско-

го могильника (VII–IX вв.), который, правда, исследователи склонны считать мужским, так как он не был надет на погребенную женщину, а лежал отдельно, рядом с головой [Гаврилова 1957, с. 51]. Предположение это не представляется убедительным, так как то, что пояс лежал отдельно, могло быть связано с особенностями погребального обряда, т.е. с мировоззренческими установками. Несколько наборных поясов обнаружены археологами в захоронениях молодых женщин IX–X вв. в западном Забайкалье (хойцегольская культура) [Кызласов 1981, с. 60]. Таким образом, и в этой особенности бытования наборного пояса мы снова сталкиваемся с культурой, примыкающей к лесостепной зоне Южной Сибири. Здесь уместно напомнить и о наборном поясе в девичьем костюме киргизов, в этногенезе которых существенную роль играли выходцы из Минусинской котловины, т.е. лесостепей юга Сибири. И вновь возникает вопрос о традиции ношения наборных поясов у нанайцев, ульчей и айнов, а также его присутствию в женской погребальной одежде нганасан. Решение этой проблемы, безусловно, требует дополнительного исследования, но уже на данном этапе можно предположить, что появление наборного пояса в женском костюме, вероятнее всего, связано с культурами лесостепей Южной Сибири и Центральной Азии. Возможно, в женском костюме наборный пояс возникает на периферии скотоводческих культур Великой Степи, где чисто кочевнические традиции утрачивали свою жесткость.

Существенные различия в наборных поясах скотоводческих народов и охотников, рыболовов, оленеводов Сибири позволяют говорить об определенной самостоятельности развития этого явления в данных культурах. Различия проявляются уже на уровне материала. Так, якуты и буряты использовали для поясов шкуру коня или коровы, что вполне закономерно для скотоводческой культуры. Этот же материал использовали и коми, что также логично вытекает из их культуры с развитым животноводством. Ханты и манси употребляли кожу лося, а айны – морских животных (нерпы, тюленя), что также соответствовало ХКТ и угров Западной Сибири, и населения островов северной части Тихого океана. Кажется бы, ничего особенного в этих фактах нет. Однако ненцы для изготовления наборных поясов использовали кожу коровы, которую специально покупали у русских или коми [Иванов 1970, с. 69–70]. Материал – достаточно консервативный элемент культуры, особенно в предметах с высоким семиотическим статусом, и использование ненцами традиционного для кочевых культур материала трудно отнести к категории простого заимствования. Скорее оно свидетельствует об очень глубоких и длительных связях их предков с кочевниками степей и лесостепей Северной Азии, а точнее о принадлежности части южных самодийцев к скотоводческой культуре, что хорошо известно и по другим источникам. Но если ненцы в течение многих веков, будучи оленеводами, не утратили в материале наборного пояса древней традиции, то использование для их изготовления уграми и айнами шкур диких животных позволяет предположить также древность этого материала в их культуре и, следовательно, определенную самостоятельность в возникновении и развитии наборного пояса. К сожалению, выяснить характер материала основы наборного пояса у энцев и селькупов пока не удалось.

Различия наборных поясов XIX – начала XX вв. скотоводов и охотников-рыболовов и оленеводов проявляются и на уровне технологии изготовления кожаной основы. Так, пояса якутов и бурят делались из хорошо выделанной кожи и представляли собой двойную полосу, причем кожа складывалась так, что шов проходил вдоль по середине пояса. Иногда он шел по лицевой стороне, иногда – по изнанке, что зависело от характера металлического декора. Если лицевая сторона украшалась сплошным рядом накладных пластин, то шов находился на лицевой стороне, т.к. полностью закрывался металлом; если пластины и бляшки укреплялись на расстоянии друг от друга, то шов находился на изнаночной стороне. Двойными были и пояса, бытовавшие у нанайцев, долган и нганасан, что вполне закономерно, если учесть, что они пользовались поясами якутского (иногда, как нанайцы, бурятского) производства.

Самодийцы, обские угры, коми и айны делали пояса одинарными, они представляли собой просто полосу толстой сыромятной кожи. Другими словами, с точки зрения технологии, изготовление основы пояса у этих народов, по сравнению со скотоводами, было более простым, что также говорит о собственной линии развития этого явления. Следовательно, не только в использовании того или иного материала, но и в технологии изготовления основы наборного пояса проявляются определенные различия двух ареалов.

Анализ наборных сибирских поясов выявляет два типа: I – широкие пояса (6–12 см); 2 – узкие пояса (3–4 см). Наиболее распространенным был первый тип пояса, который существовал у ненцев, энцев, коми, селькупов, хантов, манси и айнов. Ширина его колебалась от 8 до 12 см. У бурят и якутов встречаются оба типа, причем широкие пояса не превышают 6–7 см., но нашивка на женскую безрукавку предбайкальских бурят (эхэритов) – рудимент наборного пояса – имела ширину 10–12 см. В бурятской

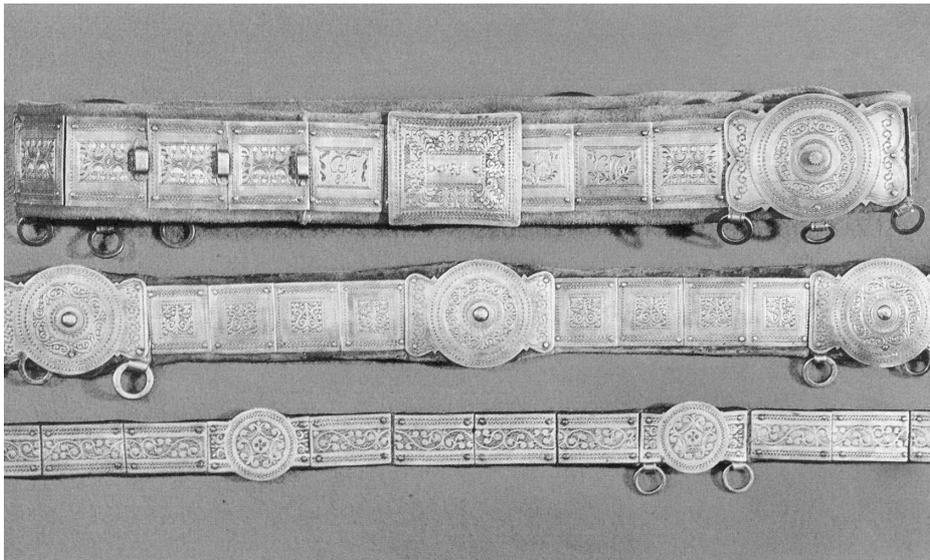

Рис. 4. Два типа наборных поясов. Кожа, серебро. Якуты, конец XIX в.

культуре узкие пояса встречаются в основном у верхоленских бурят, в этногенезе которых наиболее силен тюркский компонент. Выяснить ареалы распространения двух типов поясов у якутов пока не удалось, хотя этот момент очень важен для дальнейшего изучения этно- и культурогенеза данного народа. Дело в том, что различия касаются не только ширины поясов, но и характера их металлического декора, что свидетельствует об участии в формировании этой культуры по крайней мере двух разных компонентов (Рис. 4).

Таким образом, в ширине пояса отмечаются определенные различия между культурами, принадлежащими к разным ХКТ. Но если у обских угров, коми, самодийцев и айнов бытовал один тип пояса и его ширина была достаточно большой, то у якутов и бурят не только существовало два типа поясов, но и размер широких поясов был несколько меньше, за исключением украшения бурятского женского костюма (Рис. 5).

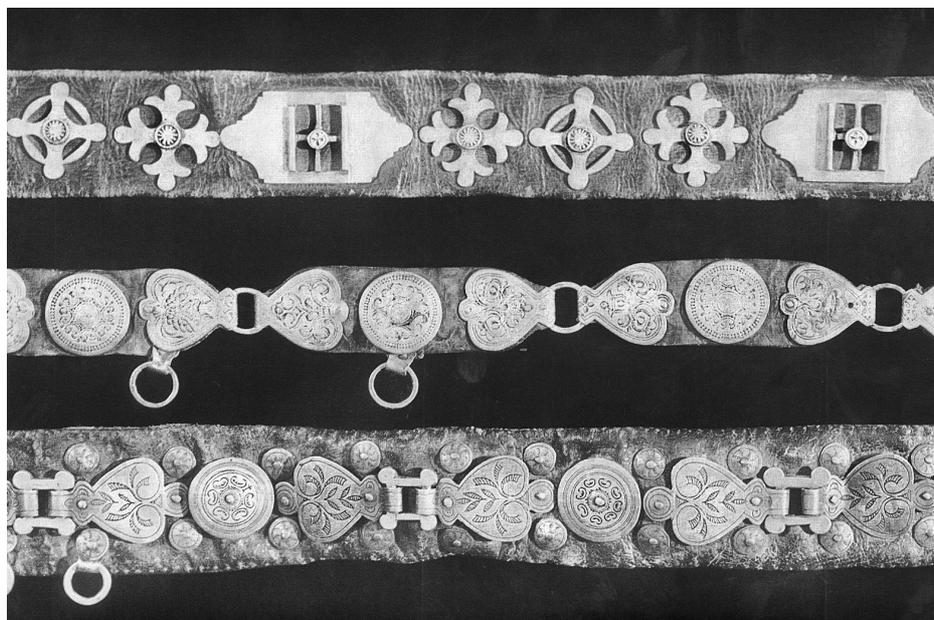

Рис. 5. Узкие наборные пояса. Кожа, латунь. Якуты, конец XIX в.

Наборные пояса народов Средней Азии и Казахстана также делятся на два типа, которые здесь имеют более выраженные функциональные различия. Так, у киргизов и казахов узкие пояса являлись элементом повседневного костюма, широкие – праздничного [Сычева 1984, илл. 72, 74, 92]. У киргизов широкие наборные пояса входили также в девичий праздничный костюм [Махова 1979, с. 209]. Поэтому на узких поясах крепились ножны, огнива, пороховницы, на широких поясах в подавляющем большинстве поясные принадлежности отсутствовали. Кроме того, у киргизов и казахов на широких праздничных поясах кожаная основа обтягивалась бархатом или парчой, что говорит о полной утрате поясом функции важнейшего элемента воинского вооружения.

Как можно предположить на данном этапе исследования, два типа наборных поясов, существовавших в культуре народов Сибири, Средней Азии и Казахстана в XIX – начале XX вв., восходят к разным историческим эпохам и разным культурам. Широкие наборные пояса появляются в культурах ранних кочевников Центральной и Средней Азии в I тыс. до н.э. Такие пояса хорошо известны по материалам Пазырыкских и Башадарских курганов Алтая, кургана Иссык близ Алма-Аты [Руденко 1962, с. 2; Акишев 1978, с. 33]. Все они принадлежат погребальному (парадному) костюму знати. Но если судить по имеющимся изображениям воинов, например на золотом гребне из кургана Солоха, не только наборные, но и обычные пояса были широкими [Артамонов 1966, с. 150]. В древнетюркское время (VI–VIII вв. н.э.) широкие пояса практически исчезают в кочевых культурах евразийских степей, что достаточно хорошо прослеживается как по каменным изваяниям Монголии, Тувы, Алтая, Хакассии, так и по погребальному инвентарю на всей территории от Монголии до Венгрии [Евтюхова 1952, табл. I–IV; Гаврилова 1965, табл. XXXI; Распопова 1965, с. 84–85; Плетнева 1967, с. 162]. Ширина тюркских наборных поясов не превышает 4–5 см. Уменьшение ширины пояса в эту эпоху, по всей видимости, объясняется сменой основных форм металлического декора, что связано с общим процессом развития искусства кочевников Евразии в середине I тыс. н.э и, в частности, оформления костюма.

Так, в скифо-сакский период мелкие накладные бляшки часто украшали верхнюю одежду. На этом фоне выделение такой символически значимой детали, как пояс, требовало большего размера поясных пластин, что и определяло ширину пояса. Более того, изображены на этих пластинках, как правило, были животные или сцены их борьбы, воплощение которых требовало большего пространства. В древнетюркскую эпоху происходят не только изменение костюма и исчезновение в его оформлении накладных металлических бляшек, но и резкая смена всего художественного стиля, отразившаяся прежде всего на форме накладных пластин. Зооморфные образы, господствовавшие в искусстве предшествовавшего периода, сменяются растительным и криволинейным орнаментами, не требующими столь большого пространства [Федоров-Давыдов 1976, с. 61]. Параллельно с изменением характера металлического декора, видимо, уменьшается и ширина пояса.

В скифо-сакский период каждая накладная пластина представляет собой замкнутую, завершённую композицию, общий орнаментальный характер декора строится в основном на ритмичном повторении одного и того же сюжета, как, например, на поясе из кургана Иссык [Акишев 1978, с. 50]. В древнетюркское время пластины, украшающие пояса и другие предметы снаряжения всадника и коня, составляют единую, пронизанную общим движением растительного или криволинейного орнамента декоративную композицию. Появляются пластины в форме пальметки, трилистника, распускающегося бутона, сердцевидной или полукруглой формы и более сложного контура, подчиненного рисунку узора, хотя сохраняются и прямоугольные пластины. В одном изделии используются пластины разных форм, ритмичное чередование которых также несет в себе орнаментальное

начало. При этом пластины не заполняют целиком поверхность предмета, как это было в предшествовавший период, а оставляют видимой его кожаную основу, что заставляет активно звучать фон. Рождается новое понимание декоративности предмета, которое основывается на сочетании двух материалов: темной, матовой кожаной основы и яркого, блестящего металла декора. Возникает иной принцип организации пластического решения предмета, когда в орнаментальной композиции участвует не только узор, введенный в пластину, но и ее контур, органически с ним связанный. Более того, можно полагать, что изначально именно форма пластин была ведущим декоративно-орнаментальным началом. Это предположение основывается на том факте, что среди пластин, украшающих пояса и сбрую VI–VII вв., встречается значительное число неорнаментированных, и только с VIII в. пластины, пространство которых заполнено орнаментальным узором, занимают доминирующее положение. В XIX – начале XX вв. этот принцип был ведущим в наборных поясах большинства народов Евразии, однако он не смог полностью вытеснить предшествовавший ему архаический принцип композиционного построения металлического декора, а вместе с ним и широкие пояса, которые сохранялись во многих культурах параллельно с узкими.

Таким образом, широкий пояс наиболее архаичен, он появляется в I тыс. до н.э. и существует в культуре ранних кочевников, скорее всего, как боевой и парадный. В эпоху расцвета тюркской культуры основное положение занимает узкий наборный пояс, но, видимо, в отдельных очагах продолжает бытовать и широкий, который позднее, уже в этнографической реальности, в некоторых культурах скотоводческих народов занимает прочное место в качестве парадного, в том числе и женского/девичьего. Иначе обстоит дело в культуре охотников-рыболовов и оленеводов. Здесь наборный пояс, насколько можно судить по имеющимся материалам, на всем протяжении истории тяготеет к большой ширине; по крайней мере, свидетельств наличия у них узкого наборного пояса мы пока не имеем.

Как уже говорилось, в культурах народов Сибири в XIX – начале XX в. существовали оба типа наборных поясов. Однако помимо особенностей металлического декора, о которых будет сказано ниже, они различались еще и по своей конструкции. Здесь существовали как цельные пояса, характерные для большинства народов степного региона, так и составные.

Наиболее четко два типа конструкции наборного пояса выявляются в культуре якутов и бурят. У якутов цельными были широкие пояса, узкие делались из двух или трех кусков кожи, соединенных металлическим кольцом, продетым сквозь широкие дужки крайних накладных металлических пластин. Такая конструкция делала пояс более эластичным. Пояса XVIII в., обнаруженные в погребениях, имели несколько иное соединение. Круглые соединительные бляхи имели по бокам дужки, которые продевались между сложенной вдвое кожаной основой каждой из частей пояса [Гоголев 1993, табл. XXXIII, рис. 7]. У бурят все пояса были составными (МАЭ, колл. 313–90а). Как правило, в них было три части, скрепленные металлическими кольцами или круглыми металлическими пластинами с шарнирным соединением. В первом случае крайние накладные пластины каждой части выковыва-

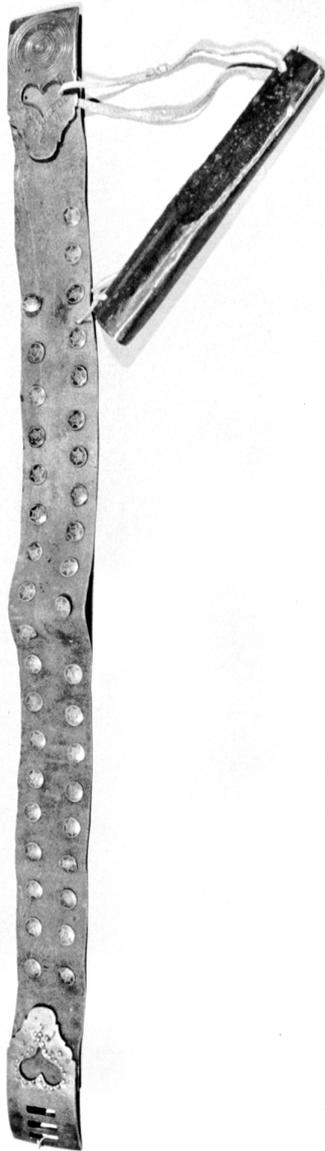

Рис. 6. Мужской наборный пояс. Кожа, латунь. Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 638–5.

лись с дужками на конце, через которые продевалось кольцо (способ, аналогичный якутскому); во втором – крайние накладные пластины имели по краям две дужки, а соединяющая пластина – одну, дужки вставлялись одна в другую и сквозь их отверстия продевался металлический штырь.

Другой вариант составной конструкции был присущ поясам двух групп предбайкальских бурят, а именно верхоленским и ольхонским, основу этногенеза которых составлял протобурятский этнос – эхэриты. Здесь три основных куска пояса, сшитые из двух слоев кожи, соединялись полоской тонкой кожи или ровдуги в один слой, что и придавало поясу большую эластичность (МАЭ, колл. 2098–100) (Рис. 6).

Особый интерес с этой точки зрения представляют ненецкие пояса, в которых составная конструкция присутствует в рудиментарном виде. Они сшиты из двух или трех кусков кожи, хотя в данном случае этот крой ничем не оправдан (МАЭ, колл. 1528–3, 1147–16, 999–38). Куски соединены прочным швом, выполненным сухожильными нитями, по нему с лицевой стороны укреплены накладные пластины, так что соединение этих частей не делает пояс более эластичным, т.е. не является преднамеренной конструкцией. Таким образом, составная конструкция наборного пояса, четко выраженная в культуре якутов и бурят, угасает с продвижением на север и носит у ненцев рудиментарный характер. Наборные пояса хантов, манси, коми, селькупов и айнов были цельными.

Истоки составной конструкции наборного пояса остаются пока не выясненными. Пояс с соединительным кольцом, точнее фигурной ажурной бляшкой, известен только в сопроводительном инвентаре одного из погребений Бобровского могильника в Северо-Восточном Казахстане (сростинская культура, VIII–IX вв.) [Археология СССР 1981, № 57, рис. 20]. В большинстве же случаев наборные пояса древне-

тюркского времени были цельными [Грач 1961, табл. 4–9; Распопова 1965, рис. 5]. Так что вопрос этот требует дальнейшего исследования. Здесь следует добавить, что в конской сбруе у якутов и бурят также широко использовалась составная конструкция. Например, подхвостные и нагрудные ремни всегда состояли из двух частей, соединенных кольцом или круглой шарнирной бляхой, что отличало их от аналогичных предметов народов Средней Азии и Казахстана, где эти атрибуты делались цельными.

Сходство якутских и бурятских наборных поясов в столь важном элементе, как конструкция, свидетельствует об общих истоках формирования этой детали снаряжения всадника и является еще одним подтверждением глубоких этнокультурных связей этих народов. Факт определенной общности этнической истории предков якутов и бурят общеизвестен, и в этом случае особый интерес вызывает присутствие, хотя и в остаточном виде, составной конструкции в наборном поясе ненцев. Сходство конструктивных особенностей того или иного предмета, как правило, отражает достаточно длительные этнокультурные контакты, а по сути – общий этап этнической истории. По крайней мере, эта особенность конструкции пояса является еще одним доказательством взаимодействия на определенном этапе исторического развития предков ненцев (особенно южных самодийцев Саяно-Алтая) с предками якутов и бурят, а точнее – с древним скотоводческим населением лесостепного региона. Таким периодом в этнической истории этих народов могли быть только хуннская и древнетюркская эпохи, втянувшие в единый этногенетический котел древних тюрков и монголов, енисейцев, угров и самодийцев Сибири.

В этой связи особый интерес представляют названия бурятского наборного пояса *горье бэһэ*, что означает «пояс с кольцом», и якутского алтан *тиэрбэстээх тимир кур* – «с медными кольцами железный пояс». Эти термины позволяют выдвинуть гипотезу, что становление наборного пояса (как и сбруи) в культуре якутов и бурят восходит к определенному кругу древних культур, занимающих контактную лесостепную зону Евразии, тяготеющую к Саяно-Алтайскому нагорью. Конечно, это только предварительный вывод, требующий привлечения более широкого материала, но он определяет направление дальнейших научных исследований.

Следует остановиться и на особом способе соединения отдельных кусков кожаной основы наборного пояса при помощи круглых металлических блях с шарнирами, характерном для западных бурят. Пластины располагались сзади и по бокам, а спереди пояс имел пряжку. Благодаря этой конструкции, как и в случае соединения при помощи кольца, бурятские пояса, несмотря на большое количество железных накладных пластин, обладали достаточной эластичностью и были удобны в употреблении. К соединительной пластине изнутри прикреплялась берестяная прокладка, предохранявшая одежду от трения с металлом (МАЭ, колл. 706–1, 2098–99). Шарнирный способ соединения представляется более поздним по сравнению с использованием для этой цели кольца. Насколько позволяет судить материал, этот принцип соединения отдельных металлических деталей возникает в VI–VII вв., в эпоху великого переселения народов, и известен в конструкции поясных пряжек и отдельных накладных пластин на широком пространстве как Азии,

так и Европы [Дмитриев 1982, с.96, 100; Айбабин 1982, рис. 2, 3, 5, 6; Симонова 1982, рис.4]. Как способ соединения частей наборного пояса в Сибири XIX – начала XX в. он характерен только для бурят, но на бляшках поясных подвесок он широко использовался у монголов, тувинцев, алтайцев и народов Амурского региона, о которых речь пойдет ниже.

Достаточно важен для анализа развития наборного пояса такой момент, как способ крепления пояса на теле человека, который был различным в культурах Сибири. У якутов и бурят широкие пояса застегивались на стальные пряжки с подвижным язычком, которые прикреплялись к крайним накладным металлическим пластинам. Причем пряжки крепились на обоих концах пояса, и сквозь них пропускались специальные узкие ремешки, пришитые к поясу с изнаночной стороны (МАЭ, колл. 1070–17, 2098–99). Узкие пояса у бурят имели пряжку с язычком только с одной стороны, через нее пропускался другой конец ремня (МАЭ, колл. 2098–100). У якутов узкие пояса имели пряжки совершенно иной конструкции: они состояли из двух частей, прикрепляющихся к обоим концам пояса и вставляющихся одна в другую (МАЭ, колл. 1071–48). Одна из них представляла собой восьмигранную бляшку, на другой располагалось отверстие такой же формы (МАЭ, 638–5, 1147–16) (Рис. 7).

У коми, обских угров и самодийцев крайние прямоугольные пластины имели: одна – прорезь, другая – крючок, который зацеплялся за них. Иногда крючки встречаются и на поясах якутов (МАЭ, колл. 1071–5), но здесь они сочетаются с пряжкой с подвижным язычком. На левом конце пояса располагается пряжка с подвижным язычком, в которую продевается узкий ремешок, пришитый изнутри пояса, на другом (правом) – пряжка с крючком, который цепляется за специальную металлическую петлю на одной из накладных пластин левой стороны, т.е. правый конец пояса накладывается поверх левого. У айнов пояс имел на одном конце большое стальное кольцо, через которое пропускался другой конец ремня и завязывался узлом (МАЭ, колл. 700–2 аб).

Таким образом, мы видим, что в способе закрепления наборные пояса в Сибири имеют существенные различия, и вновь грань проходит между ско-

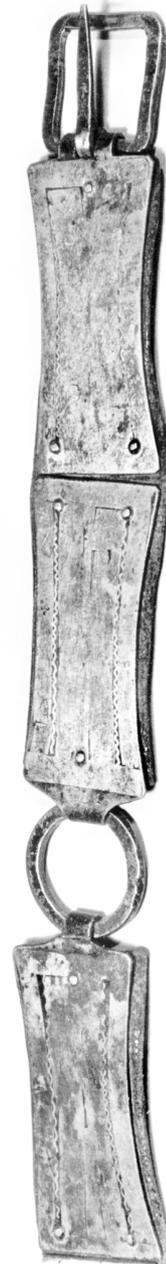

Рис. 7. Узкий составной мужской наборный пояс. Кожа, железо, серебро. Предбайкальские буряты, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 2098–101.

Рис. 8. Система крепления поясных принадлежностей на металлических кольцах. Забайкальские буряты, конец XIX в. МАЭ, № 313–90.

товодческими и другими народами региона. Пряжки с подвижным язычком характерны для всех скотоводческих культур, начиная с древнетюркского времени, и в XIX в. они сохраняются в сибирском регионе среди скотоводов – якутов и бурят. Однако способ застегивания пояса на две пряжки, расположенные на обоих концах, с помощью пришитых с изнанки узких ремешков весьма своеобразен, его происхождение остается неясным. Вообще дополнительные ремешки характерны для наборных поясов казахов, но здесь они пришивались с лицевой стороны, украшались накладными пластинами и застегивались при помощи пряжек с подвижным язычком, расположенных с другой стороны (МАЭ, колл. 403–8). Не удалось пока выяснить и генезис пряжек с крючком, но он представляется более архаичным. Что касается «застежки» кольца, сквозь которое пропускается конец пояса, то такой тип крепления встречается на охотничьих поясах многих народов Сибири, но все же является для XIX в. достаточно архаичным.

К наборному поясу крепился целый ряд необходимых предметов, набор которых был достаточно устойчив. Однако в культуре скотоводов и охотников-оленеводов он был различным. В первом случае на наборном поясе носились колчан и налучье, ножны, огниво и сумочка для трута, позднее – пороховница. Об устойчивости этой традиции, обусловленной высоким семиотическим статусом наборного пояса и всех связанных с ним атрибутов, свидетельствует тот факт, что в конце XIX в., когда лук и стрелы уже давно вышли из употребления, буряты в дни праздников надевали пояс со всем традиционным набором принадлежностей, включая колчан и налучье, о чем свидетельствуют и письменные источники, и значительное число этих предметов в коллекциях музеев.

Способы крепления всех этих предметов к поясу были различны. У якутов поясные принадлежности крепились к кольцам, продетым в дужки накладных металлических пластин. У бурят существовал близкий способ, только вмес-

то одного кольца часто использовалось несколько соединенных вместе круглых ажурных металлических пластин (МАЭ, колл. 2098–100). Генетически этот способ крепления восходит к древнетюркской культуре, где присоединение поясных принадлежностей к кольцу или нескольким кольцам было распространен достаточно широко [Распопова 1965, рис. 5, 6]. В наиболее чистом виде этот способ сохранился в культуре якутов, где он практически идентичен древнетюркскому. У бурят Предбайкалья он предстает в более усложненной форме, отличающейся своеобразным функционально-декоративным решением, что свидетельствует об определенной самостоятельности в развитии наборного пояса в культуре этого народа (МАЭ, колл. 706–1) (Рис. 8).

У хори-бурят Забайкалья существовал и другой способ: набор принадлежностей крепился к коротким ремешкам, пришитым к нижнему краю пояса и заканчивающимся накладной пластиной с кольцом (МАЭ, колл. 313–46А). В Предбайкалье встречаются пояса, составные части которых соединены по бокам тонкой полоской кожи, значительно шире пояса. Конец этой полоски спускался вниз на 6–7 см, образуя ремешок. Обычно он

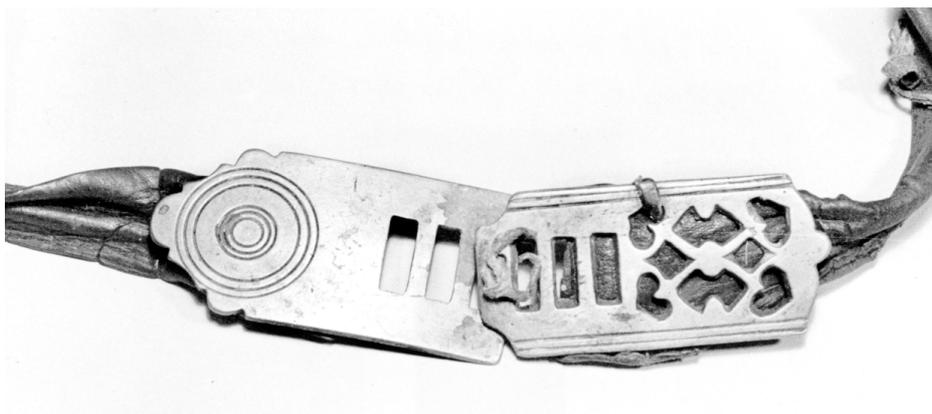

Рис. 9. Литая ажурная поясная пряжка.
Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 5541–35.

украшался накладной пластиной трапециевидной формы с петлей, в которую продевалось кольцо (МАЭ, колл. 2098–99). Однако следует отметить, что для наборных поясов якутов и западных бурят поясные ремешки в целом не характерны (Рис. 9).

Широкое распространение подвесных ремешков на наборных поясах также восходит к древнетюркской эпохе [Могильников 1981, с. 40]. В этот период они продевались в прорези накладных пластинок и украшались металлическими бляшками, наконечниками или пряжками, к которым прикреплялись поясные принадлежности (ГЭ, колл. 2064–12). В XIX – начале XX вв. эти ремешки были характерны для наборных поясов многих народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа, хотя способ крепления их был уже иным: ремешки пришивались к нижнему краю пояса.

Однако необычайно важным представляется тот факт, что у всех кочевых народов соединение предметов поясного набора с конструктивными

детальями наборного пояса, будь то кольцо, ажурная бляха или прорезь в пластине, осуществлялось при помощи кожаного или ровдужного ремешка. Таким же способом крепились к поясу и крюки для колчанов и налучьев. Причем этот прием существовал на территории северной Евразии на всем протяжении истории. У бурят Забайкалья в XIX – начале XX вв. для этой цели часто применялись толстые шелковые плетеные шнуры. Использование ровдужных ремешков для крепления к поясу различных предметов является обычным и для охотничьих (не наборных) поясов практически всех народов Сибири. По всей видимости, эта конструктивная особенность вошла в наборный пояс кочевых народов из более раннего этапа, когда возникла традиция ношения на поясе необходимых на охоте предметов, и сохранилась она на протяжении нескольких тысячелетий, будучи, видимо, наиболее рациональной.

У хантов, манси, коми, ненцев и селькупов к наборному поясу крепились только ножны, сумочки для точила и различные амулеты. У ненцев это были клыки медведя, которые являлись обязательной принадлежностью пояса (МАЭ, колл. 4589–1). Носили их не только мужчины, добывшие зверя на охоте, но и никогда не охотившиеся на него. Последние приобретали их у охотников острова Вайгач и Новой Земли, где охота на медведя была распространена особенно широко [Хомич 1984, с. 19]. У хантов, помимо медвежьих клыков, амулетом часто являлись зубы лисицы [Федорова 1994, с. 143]. Обычай ношения зубов животных в качестве амулетов очень древний, он был характерен для многих народов как Северной Азии, так и других регионов мира. Связан он с широким кругом представлений, восходящих к идее умирающего и воскресающего зверя и лежащих в осно-

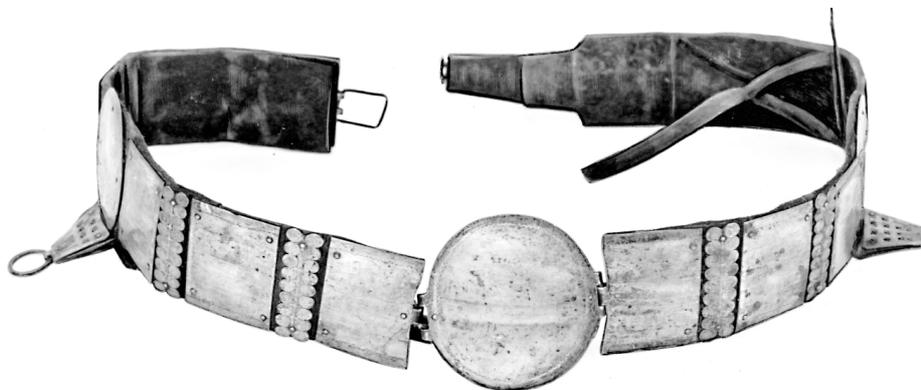

Рис. 10. Мужской наборный пояс. Кожа, железо, серебро.
Предбайкальские буряты, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 2098–96.

ве многих промысловых обрядов. И, как мы видим, в культуре охотников-рыболовов и оленеводов он сохранялся на наборных поясах до начала XX в. У айнов, насколько позволяет судить материал, к поясу прикреплялись только ножны (Рис. 10).

Значительный интерес у этих народов представляют способы крепления поясных принадлежностей к наборным поясам. Здесь наблюдается

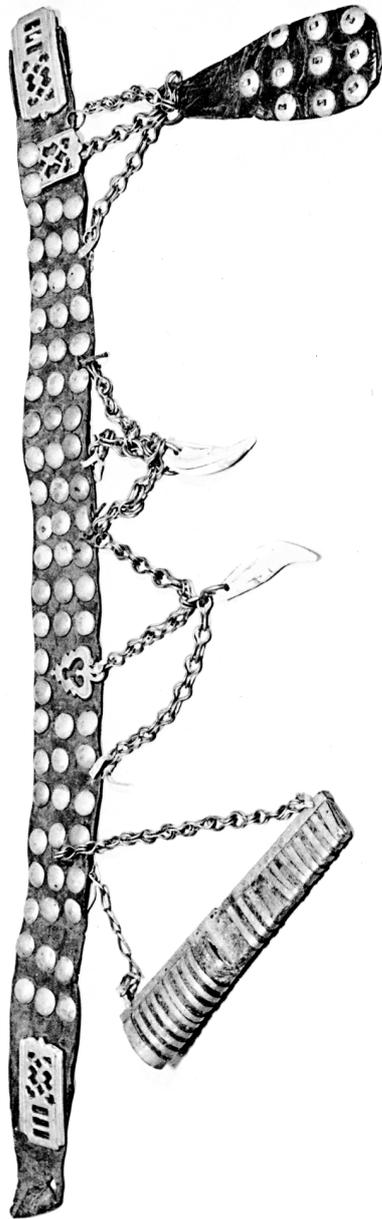

Рис. 11. Мужской наборный пояс.
Кожа, латунь, медвежьи клыки.
Ненцы, конец XIX – начало XX в.
МАЭ, № 979–38.

или ровдужных ремешках. Первые два способа, характерные для поясов якутов и бурят, генетически восходят к древнетюркской эпохе, последний способ, распространенный у обских угров, коми, самодийцев и айнов, яв-

удивительный сплав разных традиций. Так, ножны, сумочки, амулеты часто подвешивались к поясу на металлических цепочках, к которым предметы присоединялись при помощи металлических колец, а к поясу цепочки привязывались ровдужными ремешками, пропущенными сквозь прорезь в кожаной основе пояса (МАЭ, колл. 1147–9, 2383–93). Существовал способ подвешивания при помощи кожаных ремешков, которые привязывались к металлическим кольцам на ножнах и продевались в прорезь на кожаной основе пояса, реже в прорезь ажурной накладной пластины. У айнов ножны закреплялись только за прорезь в кожаной основе и располагались сзади, причем не под углом, а строго горизонтально (МАЭ, колл. 700–2 аб) (Рис. 11).

Таким образом, система крепления поясных принадлежностей в культуре оленеводов и охотников-рыболовов не имеет той конструктивной четкости, которая характерна для культуры скотоводческих народов, где металлический декор несет функциональную нагрузку, обеспечивая крепление таких тяжелых предметов, как колчан и налучье.

Итак, в XIX – начале XX вв. на наборных поясах народов Сибири существовало три способа крепления поясных принадлежностей: на кольцо или круглых ажурных бляшках, пропущенных через дужку накладных пластин, на подвесных ремешках, пришитых к нижнему краю пояса (способ, не получивший широкого распространения), и сквозь прорезь в поясе на цепочках

ляется более архаичным, восходит к древнейшим традициям культуры охотников и характеризует специфику северного варианта наборного пояса (Рис. 12).

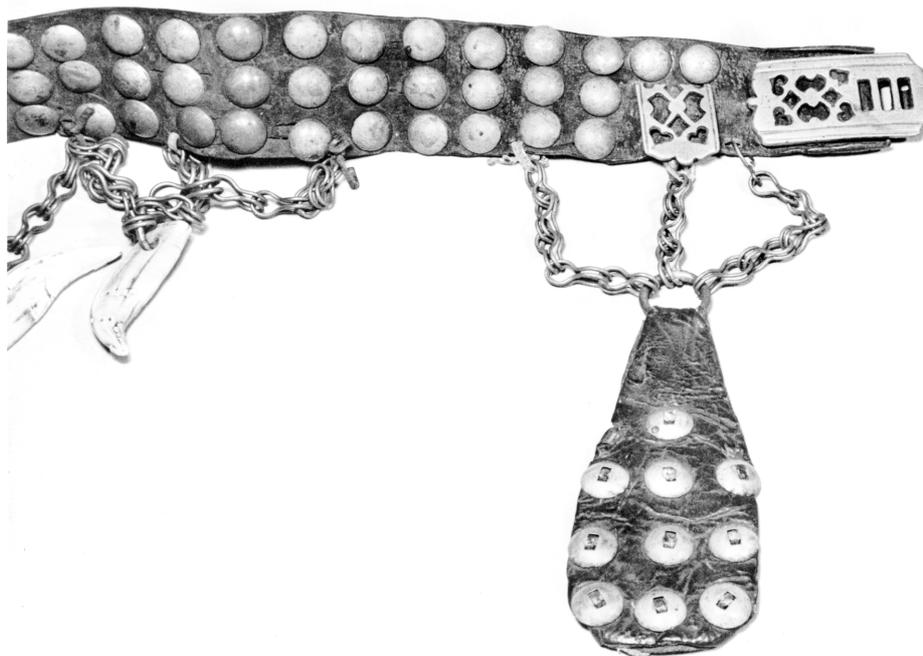

Рис. 12. Система крепления к поясу ножен на цепочках.
Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 979–38.

Нельзя обойти вниманием использование коми, обскими уграми и самодийцами цепочек для крепления поясных принадлежностей. Цепочки широко использовались в XIX – XX вв. для крепления к поясу ножа и огнива у забайкальских бурят, алтайцев, тувинцев, а также монголов. У этих народов в связи с отсутствием в XIX – начале XX вв. наборного пояса и бытованием мягкого кушака из ткани поясные принадлежности носились на специальных подвесках. Они представляли собой петлю, образованную согнутым пополам кожаным ремнем (шириной 5–6 см), концы которого скреплялись двойной шарнирной бляшкой. Ее верхняя прямоугольная часть состояла из двух половинок, между которыми помещались концы ремня, а нижняя представляла собой овальную или полукруглую бляшку с прорезью, в которую продевалось кольцо с длинной серебряной цепочкой, соединенной с ножами или огнивом. Ремешковая петля закладывалась за кушак, или кушак продевался в петлю, и тогда подвеска свисала вниз как поясной ремешок, а нож и огниво закладывались за кушак, и цепочка не позволяла потерять эти предметы во время движения. Подвесок обычно было две: слева на поясе носили нож в ножнах, справа – огниво, т.е. фактически подвески дублировали ремешки наборного пояса. Как видим, традиция оказалась очень устойчивой: с заменой кожаного наборного

пояса мягким кушаком ремешки превратились в самостоятельную деталь костюма, сохранив свою первоначальную функцию – закрепление на поясе необходимых предметов, но при этом потребовалась новая деталь (цепочка), обусловленная системой ношения оружия (ножа) за поясом.

Подобные подвески характерны также для культур Амура. Как справедливо заметил С.В. Иванов, народы этого региона заимствовали их у кочевников Центральной Азии [Иванов 1963, с. 435]. Время появления этих подвесок С.В. Иванов относил к IX в., ссылаясь на опубликованный Л.А. Евтюховой материал по каменным изваяниям Южной Сибири и Монголии древнетюркского времени [Евтюхова 1952, рис. 45]. Однако на прописках каменной скульптуры в работе Евтюховой у достаточно четко обозначенного пояса с правой стороны изображены не подвески, а сумочки для трута на подвесных ремешках. Да и вряд ли при существовании наборного пояса, в котором система крепления оружия и других предметов была разработана уже в VII–VIII вв., могли появиться для этой цели отдельные подвески. Появление их, вероятно всего, относится к более позднему времени, а широкое распространение они получают, видимо, в период господства маньчжуров, в costume которых присутствовал мягкий кушак, постепенно вытеснивший наборный пояс на территории, подвластной этому народу. В этом случае становится понятным ареал поясных подвесок на мягком кушаке от Тувы и Алтая до низовий Амура, включая Монголию и Забайкалье, а также отсутствие таких подвесок в культуре бурят Предбайкалья, якутов и народов Средней Азии, где наборный пояс сохраняется до начала XX в. Что касается цепочек, используемых в наборных поясах ненцев, энцев, хантов, манси, а также на поясных подвесках забайкальских бурят, тувинцев, алтайцев и монголов, то эти явления требуют дополнительного исследования. Возможно, они конвергентны.

Обращают на себя внимание и способы крепления накладных пластин к кожаной основе пояса. В XIX – начале XX вв. на территории Сибири существовали два принципиально различных способа. Один из них был характерен для якутов и бурят. В этом случае каждая бляшка или пластина имела изнутри 2 или 4 штырька, которые продевались сквозь в кожу и слегка расклепывались с изнаночной стороны пояса, что позволяло плотно закрепить их на кожаной основе. У самодийцев, коми и обских угров бляшки имели с обратной стороны одну или несколько петелек, которые вставлялись в прорези основы пояса. Сквозь них пропускался изнутри тонкий кожаный ремешок. Именно поэтому в конце XIX – начале XX в. так популярны стали медные пуговицы офицерских мундиров, изначально имевшие такой конструктивный элемент, как петелька. Айны тоже прикрепляли бляшки кожаным ремешком, но несколько иначе. Ремешок пропускался сначала через ажурные прорези бляшки, так что был виден снаружи, а затем сквозь прорези кожаной основы. Первый способ, т.е. при помощи штырька, появляется в древнетюркское время и широко распространяется по всей территории Евразии от Амура до Западной Европы. Второй способ более древний, впервые он появляется, видимо, в культурах скифо-сакского круга. Именно так, через специальные петельки на бляшках, продетых в прорези кожаной основы, с помощью кожаного ремешка,

пропущенного сквозь них изнутри, были закреплены накладные пластины на поясе сакского вождя из кургана Ыссык [Акишев 1978, с. 50]. Таким образом, в столь существенном технологическом моменте, как закрепление металлической пластины на кожаной основе, в сибирском регионе отмечены две традиции, восходящие к разным историческим эпохам и различным этнокультурным общностям.

Прием декорирования металлом изделий из кожи, дерева и даже ткани очень древний, его происхождение относится к эпохе освоения металла. В XIX – начале XX вв. на территории Евразии он наиболее широко использовался в снаряжении всадника и коня в культуре кочевых скотоводческих народов, но существовал и в других традициях, особенно тех, история которых тесно переплеталась с кочевым миром. При этом в разных культурах, а точнее культурных провинциях, для декора изделий использовались различные виды металла. У народов Сибири в декоре наборных поясов использовались три металла: медь (точнее, ее сплавы – бронза и латунь), серебро и железо. Ненцы, селькупы, коми, ханты и манси использовали только бронзу, т.е. желтые металлы. Якуты тоже украшали наборные пояса медью, но широко использовали и серебро. Более того, на широких поясах применялось только серебро, на узких – только медь. У бурят были распространены железо и серебро, но не в чистом виде, а в сочетании, т.е. для декора пояса была характерна биметаллическая техника насечки серебром по железу (таушировка). Использование разных металлов в сибирских культурах открывает одно из важнейших направлений в изучении этого явления, а именно выявление роли металлов в системе культурных ценностей и их символического значения в идеологических представлениях. Хотя все эти аспекты представляют собой тему большого самостоятельного исследования, обойти их молчанием в настоящей статье невозможно.

Огромное практическое значение металлов в жизни человека определило их высокий семиотический статус в знаковой системе культуры. В мировоззренческих системах древних цивилизаций и многих традиционных культур они стали одним из важнейших символических элементов в мифопоэтической картине мира, образуя особый металлический код, который, соотносясь с определенными единицами множества других кодов (пространственного, солярного, цветового и др.), пронизывал всю структуру Вселенной и входил в символическое обозначение всех основных категорий мироздания.

Наиболее развитой в сибирском регионе символика металлов оказывается в культурах тюркских народов и бурят, где металлический код по семантике практически идентичен «классическому» варианту, присущему древним и средневековым цивилизациям Старого Света. Так, золото здесь выступает как символ Солнца, верховного божества, стихии света, небесного огня, Мирового древа, священной птицы. Эта соотнесенность с важнейшими элементами верхней сферы мироздания способствовала развитию других семантических функций и принятию на себя таких идей и понятий, как плодородие, жизненная энергия или субстанция, возникновение жизни, сотворение мира, определяя тем самым весь спектр созидающего космического начала.

Серебро в мировоззрении этих народов также являлось символом верхнего мира, но семантически было связано с Луной и ночным небом. При этом если золото олицетворяло мужское, оплодотворяющее начало, то серебро – женское, порождающее начало. Поэтому во всех фольклорных обрядовых текстах золото и серебро всегда выступают в устойчивом сочетании и взаимозаменяемости и выражают целостность и упорядоченность Космоса и характеризуют его пространство как вмещилище жизни. Важнейшей семиотической функцией меди является ее символическая связь с землей. Медь и медные атрибуты являются устойчивым маркером всех теллурических божеств, духов-хозяев земли и духов-предков, что определяет символическую связь меди с плодородием, женским началом, водной стихией и т.д. Железо в тюркской и бурятской мифологиях выступает как символ нижнего, подземного мира, который по своей сути противоположен верхнему, небесному [Павлинская 2000, с. 186].

Однако в существовании трех космических миров нет антагонизма. Они лишь части одной Вселенной, в которой все взаимосвязано друг с другом, все причастно целому, все выводимо из целого и все подтверждается через соотношенность с ним. Эта взаимосвязанность и взаимодополняемость трех сфер мироздания проявляется и в их основных символических классификаторах, в частности в металлах. Так, медь, например, может принимать на себя функцию золота и наоборот, железо – серебра и т.п.

Близкой по разработке металлического кода к культурам тюрков и бурят оказывается культура обских угров (хантов и манси), и хотя он здесь не столь яркий и выразительный, он все же отражает основной спектр идейно-образной структуры мироздания. В то же время в мифологии самодийских народов, кетов, эвенков и эвенов символика металлов не получила столь богатого и четкого развития. Здесь фигурируют только два металла (медь и железо), которые символизируют мир божеств, духов и предков. На первом месте стоит железо, которое маркирует как верхний мир, так и мир предков и мир нижний. Близкую символическую функцию выполняет медь, но в мифологических текстах она фигурирует реже. Таким образом, из всех своих значений металлический код имеет здесь только одно: он обозначает в целом потусторонний мир, противоположный миру людей.

И в то же время, как было сказано выше, в наборных поясах большинства сибирских народов XIX – начала XX вв. доминирующим металлом оказывается медь. Даже у самого «серебряного» народа – якутов – именно на поясах она соперничает с серебром. Отсутствует медь только на бурятских поясах, декор которых состоит из железных пластин, покрытых серебром в технике насечки. Однако в мужских погребениях якутов XVIII в. обнаружены наборные пояса, декорированные прямоугольными и круглыми железными пластинами. И.В. Константинов писал, что пояса эти напоминали «железный обруч» [Константинов 1971, с. 68]. Из публикации исследователя, к сожалению, не понятно, в какой технике они были орнаментированы. Однако использование железа в наборных поясах якутов и бурят еще раз подчеркивает общие этногенетические корни этих двух культур, хотя остается не вполне ясным полное исчезновение железных накладных пластин с якутских поясов во второй половине XIX – начале XX вв.

Вопрос этот заслуживает особого внимания, так как смена материала в столь существенном атрибуте, как пояс, должна иметь очень веские причины, коренящиеся в глубоком изменении не только технологической традиции, но и идеологических представлений. Эта тема выходит за рамки настоящей статьи, тем не менее есть один момент, о котором следует упомянуть. Выше уже приводилось якутское название наборного пояса алтан тизрбэстээх тимир кур, что означает «с медными кольцами железный пояс». Упомянутое в нем железо, как мы помним, в поясах середины XIX – начала XX вв. не использовалось, т.е. название пояса донесло до нас специфику и характер более ранней традиции.

В связи с этим интересна терминология, связанная с ненецким наборным поясом. Так, у ненцев металлические украшения пояса называются ни'еся, где ни – пояс, а еся металл / железо. Но железо в известных нам ненецких поясах никогда не использовалось! Более того, в ненецком языке есть термины, определяющие другие металлы: медь – нярава, серебро – ненэй. Но почему-то для медных поясных украшений используется слово, обозначающее металл вообще и железо в частности. Это дает основание предполагать, что некогда у ненцев, а вернее, их предков, так же, как у якутов в XVIII в., существовали наборные пояса, украшенные железными пластинами. Здесь необходимо заметить, что железо широко входит в декор наборных поясов и конской сбруи в древнетюркскую эпоху, и сохранение в названиях якутского и ненецкого пояса этого существенного признака заслуживает особого внимания. В этот же период возникает и прием инкрустации накладных пластин, но используется для этого медь, реже золото, а не серебро. Как отмечают исследователи, впервые железные накладные пластины, инкрустированные серебром, появляются на наборных поясах кыргызов IX–X вв. (тюхтянская культура) [Кызласов 1981, с. 56]. Факт этот весьма примечателен, так как кыргызы, особенно в период наивысшего подъема, не могли не оказывать сильного влияния на процессы этно- и культурогенеза населения Предбайкалья, с которым связана этническая история бурят.

Необходимо отметить, что система ценностной ориентации на тот или иной металл весьма важна для понимания процессов развития культуры, так как всегда сопряжена со структурой идеологических представлений. Не рассматривая в данной публикации конкретный материал, связанный с этой проблемой, заметим, что начиная с эпохи бронзы и до древнетюркского времени основными металлами в тюркитике народов Сибири и Великой степи были медь и золото. Они же вошли в декор многих предметов, главным образом в снаряжение всадника и коня, и с появлением нового металла – железа. Условно культуры Евразии этого огромного исторического периода можно отнести к «культурам желтого металла». В эпоху средневековья в культуре скотоводческих тюркских народов Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии происходит замена желтых металлов серебром, прежде всего, это касается снаряжения всадника и коня. К XIX в. серебро становится ведущим металлом в оформлении конской сбруи и наборных поясов (там, где они продолжают существовать) у якутов, хакасов, алтайцев, тувинцев, бурят, а также казахов и киргизов (т.е. в основном у коче-

вых скотоводческих народов). Из него делают сами накладные пластины или оно покрывает их поверхность, что позволяет назвать эти культуры «культурами белого металла». В якутском языке, например, не существует даже специального названия золота, для его обозначения используется термин кыһыл комҮс, переводимый как «красное серебро». В то же время у охотников-рыболовов и оленеводов Сибири сохраняется приверженность к меди – металлу желтого цвета. Значительно более сложная картина распространения различных видов металла наблюдается в ювелирных украшениях. Так, ханты и манси широко используют олово (белый металл), якуты – медь, буряты и тюрки Южной Сибири – медь и золото. Важную роль в этом, как представляется, играет социальное расслоение общества, при котором существенное значение приобретает реальная стоимость металлов. И чем дальше на юг и ближе к городским центрам Средней Азии и Китая, тем больше возрастает социально-экономическая функция металлов, которые, тем не менее, не утрачивают своей сакральной сущности, оставаясь одним из основных символических кодов культуры.

Народы таежной и тундровой областей Сибири в XIX–XX в. золото вовсе не использовали, и это при том, что Сибирь всегда была им богата. Для объяснения этого явления можно выдвинуть два предположения. Во-первых, земли Сибири были слишком удалены от древних цивилизаций и крупнейших торговых путей, которые необычайно способствовали развитию добычи и обработки этого металла и его распространению. Во-вторых, предки этих народов в силу особенностей исторического развития на слишком длительное время задержались на стадии освоения одного металла – меди, которая вобрала в себя символику всех сфер Вселенной, прежде всего верхнего и среднего миров. Это стало возможным, в частности, в силу цветовой синонимии этих двух металлов, обладающих одним и тем же желтым, «солнечным» цветом. Наиболее четко небесный символизм меди проявляется в ритуальном облачении шаманов нганасан, селькупов, кетов, где в оформлении костюмов для камлания в верхний мир используются исключительно бронза и латунь, в то время как для камлания в нижний мир – железо. Следовательно, в металлическом декоре наборных поясов народов севера Сибири сохранились наиболее древние идеологические представления, связанные с символизмом меди, в котором воплощались идеи, отождествлявшие воздействие таких явлений, как солнце, земля, огонь, порождающая сила, плодородие и т.д., что и определяло главные символические функции наборного пояса.

Художественный металл, введенный в оформление наборных поясов, имеет важную особенность: он неотделим от предмета и, прежде всего, подчинен его форме, которая как определяет общую композицию металлического декора, так во многом обуславливает и конкретную форму отдельных пластин. В то же время роль художественного металла как декоративного начала в этих предметах очень активна. Подчиняясь форме предмета, металлические пластины одновременно подчеркивают и выявляют ее, так как в основе композиции всегда лежит конструкция предмета.

Обратимся к формам накладных пластин на наборных поясах народов Сибири, которые весьма разнообразны. Среди них можно выделить четыре

группы: 1) пластины простых геометрических форм (круг, прямоугольник); 2) сложносоставные, образованные за счет соединения нескольких простейших геометрических элементов (несколько кругов или круг и прямоугольник); 3) круглые и прямоугольные пластины с ажурными прорезями; 4) профилированные, в основе которых лежат растительные элементы (трилистник, розетка, цветочный бутон), а также сердцевидная форма и многие другие, часто дополненные ажурными прорезями. Происхождение этих форм в культурных традициях народов Евразии различно, но в культурах Сибири XIX – начала XX в. они имеют четкую этническую привязку, поэтому следует подробнее остановиться на их использовании в наборных поясах.

Применение пластин простых геометрических форм на наборных поясах сибирских народов весьма распространено. Особенно разнообразно расположение круглых пластин. У бурят и якутов они размещались чаще всего в местах крепления поясных принадлежностей. На бурятских поясах круглая пластина иногда располагалась сзади, тогда она уравновешивала в композиционном отношении пряжку пояса. Эти пластины всегда отличались от пластин, украшавших основную плоскость ремня, большими размерами (до 10 см в диаметре). Они разбивали доминирующую горизонталь, создавая ритмические акценты и определяя смысловые центры композиции. Напомню, что круглые пластины на бурятских поясах имели и чисто прагматическую функцию, являясь соединительным элементом составной конструкции. Это также определяло их ведущую роль в общей композиции металлического декора (МАЭ, колл. 1071–5, 1070–17, 2098–99).

Рис. 13. Система крепления поясных принадлежностей на кожаных ремешках. Ненцы, конец XIX – начало XX в. МАЭ, № 638–5.

Совсем иначе использовались круглые пластины в декоре наборных поясов ненцев, энцев, хантов и манси. В отличие от якутов и бурят, пояса этих народов оформлялись мелкими бляшками (2–4 см в диаметре). Ненцы в конце XIX – XX вв. использовали фабричные латунные пуговицы от военных мундиров, предварительно отшлифовав их поверхность, но иногда встречаются и пуговицы с царской короной или двуглавым орлом (МАЭ, колл. 1147–16) (Рис. 14). Естественно, их роль в декоре пояса была совершенно иной. Они покрывали лицевую сторону пояса своеобразной металлической лентой, располагаясь тремя, реже двумя рядами по всей его поверхности. При этом бляшки каждого ряда находились строго одна под другой, образуя четкий вертикальный ряд. Северные ханты, как и ненцы, применяли для декора пояса металлические пуговицы, но в погребениях XVIII в. найдены пояса, оформленные двумя рядами крупных круглых бронзовых бляшек, изготовленных в технике литья (МАЭ, колл. 5542–144) (Рис. 13).

Прямоугольные пластины чаще использовались для декора основной плоскости ремня, как на поясе, так и на сбруе. Наиболее характерны они для якутских наборных поясов, украшенных серебряными пластинами (МАЭ, колл. 1098–18), где их ритмичный ряд, обогащенный акцентами сложносоставных пластин, является основным и практически единственным композиционным приемом. Часто используются они и на бурятских поясах, также в сочетании с круглыми бляшками.

Пластины простых геометрических форм (круг, прямоугольник) появляются в убранстве всадника и коня, а также в декоре одежды кочевых народов в скифо-сакский период. Наиболее распространенной формой в ранний период является круг, прямоугольник встречается значительно реже. Круглые бляшки, как правило, располагались на сбруйных ремнях, в местах их соединения, часто являясь единственным украшением сбруи, прямоугольные – на одежде и поясах [Артамонов 1966, с. 62–63]. В XIX – начале XX вв. круглые бляшки как ведущая или даже основная форма сохраняются только в культурах Сибири, на всем остальном пространстве Евразии они практически полностью вытеснены профилированными пластинами в виде розеток, трилистников, бутонов или других сложных форм,

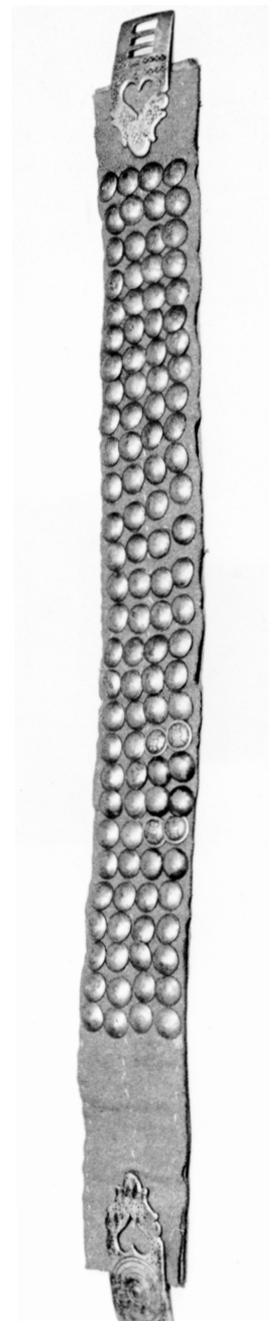

Рис. 14. Мужской наборный пояс, обтянутый красным сукном. Кожа, латунь, сукно. Ненцы, начало XX в. МАЭ, № 1147–16.

впервые появляющихся в скифо-сакский период, но получивших широчайшее распространение в древнетюркское время. То же касается и прямоугольных пластин, но ареал их распространения в Сибири значительно уже. Они используются на наборных поясах только якутов и бурят (напомним, что речь идет о монолитных, а не ажурных пластинах), но в украшении сбруи они характерны также для художественной традиции хакасов, алтайцев и тувинцев.

В эпоху развитого средневековья прямоугольные пластины были практически единственной формой для культуры чжурчженей (X–XII вв.) [Медведев 1975, с. 231–217]. При этом здесь они пришли на смену бляшкам тюркского типа разнообразных профилированных форм, которые, как уже говорилось, были характерны для более ранней культуры мохэских племен VI–VIII вв. Пластины на чжурчженских поясах представляют собой четкий прямоугольник с зубчатым нижним краем и мелкими ажурными прорезями также геометрических форм (прямоугольник, круг и крест). В целом пояса чжурчженей выглядят более архаическими по сравнению с мохэскими, так как их орнаментальная и пластическая разработка достаточно примитивна. К сожалению, в публикации В.Е. Медведева не приводится размер пластин. Указывается только их ширина – 4,5 см. Однако рисунки позволяют хотя бы приблизительно вычислить высоту пластин, которая несколько больше их ширины и, видимо, равнялась 5,5–6 см. Таким образом, ширина пояса составляет 6–7 см, в то время как в предшествующий период она не превышала 4–5 см. Пример этот представляется весьма интересным, так как отражает такие известные в культурогенезе процессы, как обращение возникающей культуры к мировоззренческим и художественным традициям более ранних эпох, чем предшествующая культура, на смену которой они приходят.

В связи с распространением пластин простых геометрических форм в наборных поясах Сибири (и шире – в конской сбруе скотоводческих народов этого региона) возникает вопрос об истоках их появления в этих культурах. Свидетельствуют ли они о сохранении определенного компонента непосредственно скифо-сакской традиции, или их наличие объясняется другими причинами? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, помогает найти анализ генезиса пластин сложносоставных форм.

В художественном металле скотоводческих народов Евразии сложносоставные пластины известны только у бурят, якутов, хакасов и алтайцев. Наиболее широко они охватывают комплекс предметов у бурят, где являются основным элементом декора наборных поясов, конской упряжи, колчанов, налучий и огнив. У якутов они украшают наборные пояса и конскую упряжь, у хакасов и алтайцев, в культуре которых в данный период наборные пояса отсутствовали, – только конскую упряжь. Здесь необходимо объяснить следующее: оформление снаряжения всадника и коня в каждой культуре скотоводческих народов имеет общий путь развития, именно поэтому, рассматривая в данной статье наборные пояса, приходится упоминать металлический декор конской упряжи, так как это явления одного порядка. Однако это ни в коей мере не относится к культурам охотников-рыболовов и оленеводов, где наборный пояс предстает абсолютно изолиро-

ванным явлением, а оленья упряжь оформлена костяными пластинами с гравированным орнаментом. Хотя само наличие этих пластин, возможно, имеет общие истоки с украшением конской сбруи у кочевников.

Все многообразие сложносоставных форм накладных пластин строится на основе повторения или соединения простейших геометрических фигур – круга и прямоугольника. Такие пластины у бурят иногда дополнены прорезями, которые, с одной стороны, облегчают их массивность, с другой – выявляют составные элементы их формы. Самые простые из них образованы путем удвоения или многократного повторения круга. Варианты достаточно разнообразны: два соединенных круга, три, четыре, шесть или девять (образующих квадрат или прямоугольник), семь (образующих треугольник или розетку). Они присутствуют на мужских поясах бурят, а на украшениях женских безрукавок буряток они являлись единственным элементом металлического декора (МАЭ, колл. 2202–47, 2202–48). Это длинные узкие пластины (приблизительно 9 x 2 см), представляющие собой 18 соединенных в два ряда окружностей, т.е. два вертикальных ряда кругов, по 9 в каждом. Усложнение формы происходит за счет соединения круга и прямоугольника. В этом случае круг чаще всего обрамлен с двух сторон небольшими прямоугольниками. Такие пластины характерны для мужских наборных поясов якутов (МАЭ, колл. 1071–17). Распространен и другой вариант, когда прямоугольник обрамлен с двух сторон двумя-тремя кругами небольшого диаметра. Однако эти формы чаще всего встречаются на упряжи бурят, как, впрочем, и некоторых других тюркских народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев). При этом поверхность пластин насыщается орнаментом, который выявляет и подчеркивает их форму. Общая композиция декора пояса строится на основе чередования пластин разных форм, что создает орнаментальный ритм, усиленный узором на поверхности пластин.

Если у скотоводов Сибири пластины сложносоставных форм применялись для оформления предметов снаряжения всадника и коня (в частности, наборных поясов), то в украшении одежды они были широко распространены у хантов и манси, нанайцев, ульчей, нивхов, очень редко встречаются у эвенков, ненцев и энцев. Это были миниатюрные металлические бляшки, которые пришивались на полы, рукава или подол верхней одежды. Однако здесь главным формообразующим элементом всегда являлся круг. Наиболее распространенными, особенно в амурском регионе, были бляшки в виде трех соединенных кругов. У обских угров Сибири они были несколько другими: основу их составлял прямоугольник, на котором по углам или по всей плоскости размещались рельефно выполненные окружности (четыре, девять или больше) [Иванов 1963, с. 69].

Композиция металлического декора на одежде также строилась на основе повторения формы пластин, расположенных в ряд, что создавало ритмичный орнаментальный узор, в своей основе сходный с приемом организации отдельных круглых бляшек на поясах ненцев и обских угров. Особенно отчетливо это видно при сопоставлении самодийских и угорских поясов с украшениями бурятских женских безрукавок, накладные пластины которых по сути представляли собой вертикальные ряды соединенных по-

парно кругов, образующих своим повторением и ряды горизонтальные. Объединяет пластины с использованием круга как формообразующего элемента скотоводческих народов Сибири и охотников-рыболовов и оленеводов то, что конструкция формы всегда подчеркивается внутренней пластической разработкой, которая обусловлена технологией изготовления пластин. Так, каждая окружность на пластинах угорских, самодийских и тунгусо-маньчжурских народов, выполненных в технике литья, дополнительно подчеркнута круглой выемкой, бороздкой или точкой (у бурят, хакасов и алтайцев выполненных в технике насечки, круглым кусочком листового серебра).

Таким образом, формы накладных пластин в оформлении наборных поясов бурят и якутов XIX – начала XX вв. (как, впрочем, конской упряжи этих народов, а также хакасов и алтайцев), за исключением узких якутских поясов, обнаруживают сходство форм накладных пластин и приемов композиции их на предмете не столько с торефтикой кочевых скотоводческих народов степного региона, сколько с металлом угорских, самодийских и тунгусо-маньчжурских народов Сибири. Различает эти пластины лишь техника изготовления. У бурят, хакасов и алтайцев они выполнены в технике серебряной насечки по железу, присущей ремесленной традиции большинства скотоводческих народов степного региона, у якутов – в технике чеканки и гравировки по серебру, у остальных такие пластины изготавливались из меди или бронзы, у угров – часто из олова в технике литья в земляные, каменные или берестяные формы. Использование ненцами и хантами готовых изделий русского производства (пуговиц с военных мундиров) указывает только на утрату самой технологии изготовления, но свидетельствует о полном сохранении художественно-образной традиции и позволяет говорить о том, что некогда они изготавливали для украшения поясов круглые медные бляшки именно в технике литья, что подтверждается изготовлением бляшек для украшения одежды.

Аналогичный принцип формообразования характерен для накладных пластин, известных в конце II – начале первого I тысячелетия до н.э. на широкой территории от Камы до Амура. Выполненные в технике бронзового литья и используемые для украшения одежды, они были распространены в культурах лесостепной и лесной полосы Евразии. Фигурные бляхи – так называют их археологи – наиболее характерны для ананьинской культуры бассейна Камы VIII–III вв. до н.э. [Шелонов 1978, с. 48–52], для позднего этапа карасукской культуры Южной Сибири XIII–VIII вв. до н.э. [Зяблин 1977, с. 30], а также встречаются в такштыкской и тагарской культурах Енисея [Киселев 1949, с. 237]. Формы бляшек строятся на основе повторений круга. Обычно это или двоянные круги, иногда соединенные перемычкой, или утроенные круги (тот же принцип, который использовался в сложносоставных пластинах XIX в.). Особенно характерны они для ананьинской культуры, где украшали наборные пояса (МАЭ, колл. 1093–43, 50, 77, 78).

Столь широкое бытование близких по форме пластин в древних культурах обусловлено, видимо, двумя причинами. С одной стороны – простой технологический прием, с другой – тем огромным спектром символи-

ческих значений, который нес в себе круг в архаических мировоззренческих системах, изученных в настоящее время достаточно хорошо. Усиленные символизмом самого металла и желтого («золотого») цвета бронзы, круглые бляшки (или в форме двоянных и строенных кругов) должны были, прежде всего, олицетворять дневное светило со всем тем широчайшим набором сакральных смыслов, который оно породило в человеческом разуме в процессе познания им окружающего мира, включая и образ небесного огня с его созидательной и очистительной силой. Это положение хорошо подтверждается выводом известного специалиста в области народного искусства Сибири С.В. Иванова о прямой генетической связи угорских металлических накладных пластин на одежде, оформленных мелкими, рельефно выполненными окружностями с так называемым циркульным орнаментом, широко распространенным на территории Евразии с эпохи неолита (его солярная символика доказана многими учеными) [Иванов 1963, с. 65]. Вторым комплексом символических значений круга, безусловно, была система представлений о пространстве мира людей, о границе между «своим» и «чужим», между Космосом и Хаосом и т.п., что также подтверждено на примере многих культур.

Сохранение принципа построения формы пластин, выработанного в культурах лесостепной и лесной полосы эпохи бронзы, в металле наборных поясов и сбруи у тюрков Южной Сибири, в украшениях одежды угров, тунгусо-маньчжуров Амура и композиции металлического декора наборных поясов самодийских народов, не может быть случайностью. Это и позволяет выдвинуть положение о самостоятельном ареале формирования художественной традиции (в частности – наборного пояса), который условно можно назвать «северным» в отличие от «южного» который включает в себя кочевые культуры Великой Степи. Следует уточнить, что само возникновение наборного пояса было действительно определено появлением на исторической арене кочевников-скотоводов. Его возникновение в культурах северной периферии было обусловлено непосредственным их влиянием, однако доминирующей оказалась местная идейно-художественная традиция, которая определила самобытные пути развития и самого пояса (его ширину, способы крепления поясного набора) и, главное, металлического декора. Уместно вспомнить металлический декор в костюме XVIII – начала XX вв. угорских и тюркских народов Поволжья, где женские головные уборы, нагрудные украшения, перевязи были сплошь декорированы накладными серебряными круглыми бляшками.

Несколько иным представляется генезис прямоугольных и круглых пластин и пряжек с ажурными прорезями, распространенных в наборных поясах коми, ненцев, хантов и манси, а также айнов. В одну группу они объединены весьма условно, так как их форма и рисунок прорезей значительно отличаются друг от друга. В первом случае, т.е. на поясах коми, самодийцев и обских угров, присутствовали крупные (7–9 см длиной), прямоугольные, иногда с легкой профилировкой одной из боковых сторон ажурные пластины, которые укреплялись на концах пояса и выполняли роль пряжек (МАЭ, колл. 638–5, 979–38). Сразу следует пояснить, что в конце XIX – начале XX вв. их изготавливали только коми, в культуре которых

металлургическая традиция в этот период еще сохранялась, и в большом количестве поставляли их ненцам, хантам и манси [Грибова 1980, с. 142, табл. XVIII–XIX]. То же относится к профилированным бляшкам, заполняющим основную плоскость наборного пояса у коми и часто используемым ненцами для украшения пояса. Эти бляшки достаточно однотипны, они всегда имели подтреугольную форму со сложным, но сходным по рисунку криволинейным абрисом. Мотивы, присутствующие в рисунке прорезей всех этих пластин и бляшек, относятся к типу криволинейного орнамента. Доминирует здесь сердцевидный узор, особенно характерный для подтреугольных бляшек, где он является практически единственным. Распространение прорезей сердцевидного рисунка необычайно широко, и для выяснения его происхождения в культуре коми, от которых они были заимствованы ненцами, хантами и манси, требуется анализ не только сибирской, но и восточно-европейской художественной традиции. Стоит отметить, что в тюркской культуре кочевых народов сердцевидный узор прорезей встречается в древнетюркскую эпоху на поясных пряжках VII–VIII вв., а позднее он получает широкое распространение в художественном металле средневековых кыргызов. Это не означает, однако, что генетические корни этого явления в культуре народов северного региона покоятся именно здесь. Вполне возможны и другие истоки, в частности в культуре народов северной части Восточной Европы, но упомянуть о тюрках показалось необходимым в связи с тем, что сердцевидные прорези встречаются и на медных бляшках узких поясов якутов, хотя форма этих бляшек сильно отличается от форм северных народов (Рис. 15).

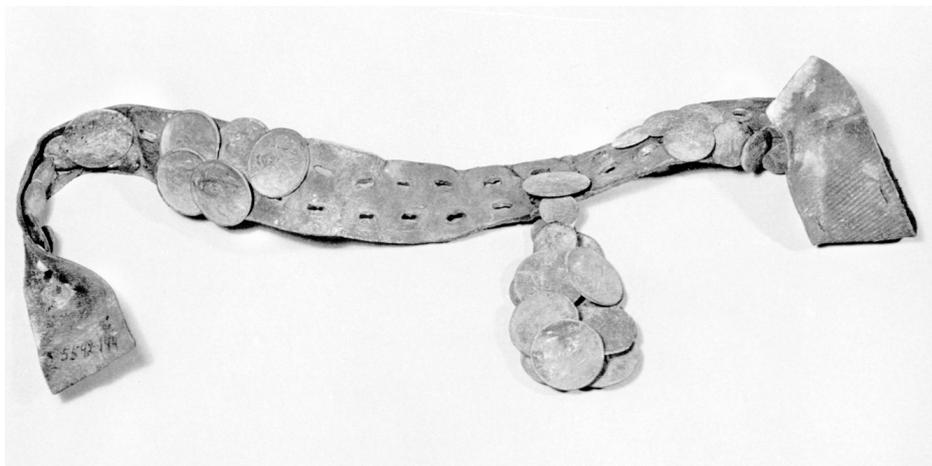

Рис. 15. Мужской наборный пояс. Кожа, бронза. Ханты, XIX в. МАЭ, № 1542–144.

Во-первых, профилированные медные бляшки якутских узких наборных поясов достаточно разнообразны. Здесь присутствуют такие мотивы, как розетка, цветочный бутон, лировидная форма и другие менее определенные абрисы. Генезис этих мотивов и форм в профилированных пластинах якутов достаточно ясен. Их древнетюркское происхождение вполне

доказано исследователями и не вызывает сомнения [Иванов 1963, с. 179; Вайнштейн 1974, с. 67; Кочешков 1981, с. 11]. Однако среди профилированных пластин, украшающих якутские пояса, нечасто встречаются формы, абсолютно идентичные древнетюркским, поэтому правильнее говорить о древнетюркских истоках этих форм, которые прошли собственный путь развития, обусловленный всей историей формирования якутской культуры. Например, распространенной формой пластин является лировидная – мотив, характерный для всего якутского орнамента, который и определил форму накладной пластины. Истоки этого орнаментального мотива и соответственно формы пластины вызывают бесконечные споры среди исследователей, большинство которых видят в нем стилизованное изображение рогов какого-либо животного [Лельчук 1974, с. 56; Хабарова 1982, с. 25; Каплан 1974, с. 109; Зыков 1976, с. 24]. Но если такая трактовка и допустима, то только как позднейшая его интерпретация. В основе этого мотива лежит зеркальная проекция перевернутой спирали – элемента, характерного для искусства многих кочевых народов евразийских степей и уходящего истоками в эпоху ранних кочевников. В искусстве якутов он получил собственное композиционное решение, придав орнаменту свой неповторимый характер.

Таким образом, в наборных поясах якутов достаточно четко выделяются два типа, которые различаются как по ширине и конструкции, так и по характеру металлического декора, включая формы накладных пластин. Анализ этих типов показывает, что восходят они к разным культурным традициям и отражают сложные процессы этно- и культурогенеза якутов. Узкие пояса с профилированными медными бляшками, безусловно, свидетельствуют о присутствии древнетюркского степного кочевнического компонента.

Что же касается широких поясов с серебряными пластинами прямоугольных и сложносоставных форм, то здесь в виде металла (серебра) проявляется тюркская традиция, а в ширине пояса и форме накладных пластин выступает компонент лесостепного и лесного (южно-таежного) культурного ареала, периферии степной кочевой скотоводческой культуры с очень смешанным этническим составом населения и, возможно, пока не вполне выявленными импульсами скифо-сакской традиции. Практически та же картина проявляется и в наборных поясах бурят, где форма пластин отражает местный лесостепной пласт культурной традиции, а техника серебряной насечки по железу – степной кочевнический.

Особо выглядят наборные пояса айнов. Плоскость ремня украшена одним рядом крупных круглых ажурных бляшек, а к нижнему краю пояса прикреплен ряд подвесок, каждая из которых состоит из трех колец разного диаметра, вставленных друг в друга и соединенных кожаным ремешком, пропущенным через прорезь кожаной основы ремня и закрепленным с изнаночной стороны. Пластическая разработка накладных пластин также достаточно однотипна: основным формообразующим элементом здесь является все тот же круг. Они представляют собой кольца, внутреннее пространство которых заполнено несколькими соединенными между собой более мелкими кольцами. Чаще всего их пять, и тогда они образуют внутри большого коль-

Рис. 16. Мужской наборный пояс. Кожа, латунь. Айны, XIX в.
МАЭ, № 700–1.

ца крест, располагаясь вертикально и горизонтально по линиям его двух диаметров (Музей г. Осака, № ТК 0465, 0466). Иногда композиция бывает более сложной: восемь колец разного размера образуют внутри внешнего кольца как бы четыре сектора, опять же подчеркивая его диаметры (МАЭ, колл. 700–2 аб) (Рис. 16). Таким образом, айнские наборные пояса близки поясам самодийских и угорских народов Сибири. Это широкие пояса, украшенные медными ажурными накладными пластинами, основным элементом которых является круг. В то же время подвески к поясу в виде колец и явно выраженная в накладных пластинах композиция креста в круге говорят о совершенно самостоятельном пути развития декора этих поясов, истоки которого пока остаются нераскрытыми. Никаких прямых аналогий с декором поясов моэксцев и чжурчженей в них не прослеживается. Сам же по себе образ креста в круге относится к архетипическим и известен во многих древних культурах Старого Света как в наскальных изображениях, так и в прикладном искусстве. В качестве примера можно привести золотые корейские царские короны VI–VII вв., форма которых представляла собой обруч-круг с двумя перекрещивающимися в центре дугами [Глухарева 1982]. Аналогичная форма хорошо известна в традиционных культурах Сибири: это и большинство шаманских «корон», и повседневные головные уборы тунгусских народов (эвенков и эвенов). Именно в этом круге культур представляется правильным искать истоки пластической разработки накладных пластин айнских наборных поясов. Сакральный смысл фигуры креста в круге раскрыт исследователями достаточно полно: это прежде всего символ Вселенной, ее сакрального центра, мирового древа, символ небесного огня, круговорота солнца и вечного движения.

Не менее важна для сравнительно-типологического анализа наборных поясов народов Сибири техника и технология обработки металла. Отметим, что в этот период народы Сибири металлы не добывали, а получали их главным образом от русских, но для восточных регионов существенной была и поставка металлов из Китая, особенно серебра. В изготовлении накладных пластин применялись две техники: литье для бронзы и серебра и ковка

для железа и серебра, при дальнейшей их художественной обработке, т.е. для декорирования их поверхность, и гравировка, чеканка и серебряная таушировка. Как уже говорилось, бронза использовалась в декоре поясов коми, самодийцами, обскими уграми и якутами. Напомним, что в конце XIX – начале XX вв. накладные пластины для народов Западной Сибири выполняли мастера коми, причем тех субэтносов, которые занимались земледелием и животноводством, т.е. вели оседлый образ жизни, проживали в селах и деревнях и сохраняли развитые ремесленные традиции [Грибова 1980, с. 41–42]. Именно от них поступали к коми-оленеводам, ненцам, хантам, манси и частично селькупам литые ажурные накладные бляхи и пластины, украшавшие не только наборные пояса, но и другие элементы костюма. Например, им принадлежит производство широко используемых в женских головных уборах ненцев и энцев круглых массивных ажурных блях с изображениями птиц, животных, кентавров и всадников. Трудно сказать, когда самодийцы и обские угры стали пользоваться металлургической продукцией коми, когда их собственная ремесленная традиция стала затухать. При этом необходимо отметить, что касается этот факт в большей степени художественного металла наборных поясов и головных уборов. В других сферах металлургического производства эти народы сохраняли собственное производство, хотя, видимо, и не столь развитое, как у коми. Так, ханты и манси самостоятельно отливали оловянные орнаментированные накладки для декора одежды, изготавливали несложные ювелирные украшения, энцы отливали и выковывали весьма разнообразные подвески для шаманских костюмов и женские украшения, не говоря уже о том, что все эти народы сами изготавливали всевозможные орудия производства, вплоть до пуль. Вопрос этот, прежде всего, касается проблемы взаимодействия традиции и инновации, решение его не входит в задачу настоящей работы. Следует только отметить, что среди имеющихся в музейных коллекциях самодийских и угорских наборных поясов преобладающими являются пояса, декорированные мелкими круглыми бляшками (иногда пуговицами). Это позволяет говорить об этом приеме как о традиционном для этих культур и относить профилированные ажурные бляхи именно к инновациям, внедрившимся в тюреттику этих народов под влиянием соседей коми, оказывавших сильное воздействие на северных самодийцев и угров, особенно на протяжении XIX – начала XX вв.

Изготавливались эти накладные пластины в технике литья в земляные формы по деревянной или глиняной модели. Коми использовали привозной русский металл, главным образом различные бронзовые сплавы. Переплавляли его обычно в графитовом котле. Основным материалом для литейных форм служили формовочные смеси, которые не только в каждой культуре, но и у каждого мастера имели свой собственный состав, представлявший собой главный секрет производственного мастерства. У коми основой формовочной смеси служили чернозем и глина, смешанные с обожженным навозом [Грибова 1980, с. 142]. Для изготовления земляной формы использовались специальные опоки, представлявшие собой, как правило, широкие круглые металлические обручи шириной 3–4 см, с ручками. Опок было две. В земляной форме с помощью модели будущего изделия

оттискивалась матрица. Для плоских бляшек наборных поясов использовалась одна опока, для блях с двухсторонним рельефом применялись две опоки, в которых делался оттиск ее обеих сторон, и специальный желобок для заливки металла. Опоки складывались вместе, зажимались, и в канал заливался металл. Хорошо известно, что техника литья является древнейшей и возникает вместе с освоением первого металла – бронзы. Что же касается развития технологии ее изготовления, то в традиционных культурах она менялась мало. Литье в каменные и земляные формы известно с самых ранних времен, несколько позднее появляется литье техникой утраченного воска и по выжженной деревянной модели, которые применялись исключительно для литья сложных форм, но это не относится к поясным наборам.

Готовые бляшки шлифовали и иногда лудили, что придавало им серебристый цвет. Поверхность декорировалась геометрическим орнаментом в виде кружочков и штриховых линий. Первые наносились специальным циркулем и заполняли центральную часть пластины. Именно эта технология и дала название самому орнаменту – «циркульный». Вторые наносились штихелем (резцом) и обычно располагались по контуру бляшки, подчеркивая ее форму (МАЭ, колл. 979–37).

Подобную технологию применяли и якуты. Различия наблюдались только в составе формовочной смеси. Для ее приготовления они использовали свежую и обожженную глину, песок, золу, которой также обсыпали форму перед заливкой металла. Для технологической традиции якутов, насколько можно судить, характерны, во-первых, отливка всех изделий, независимо от их сложности, в двух опоках, и, во вторых, обжиг опок вместе с моделью на открытом огне, после чего модель вынималась и форма считалась готовой для заливки [Зыков 1976, с. 27]. Поверхность готовых бляшек шлифовалась, но не орнаментировалась, и вся декоративная композиция строилась на сочетании их различных форм. Гравированный узор иногда наносился только на пряжку (МАЭ, колл. 1070–48).

В такие же земляные формы отливали якуты и изделия из серебра. Однако накладные пластины для наборных поясов дополнительно еще и расковывались, что делало заготовку более тонкой. Поверхность серебряных пластин всегда орнаментировалась. Наиболее распространенным был геометрический орнамент, основными элементами которого были круг, треугольник, зигзаг, лунки. Наносился он с помощью пуансонов с фигурным бойком – техникой, относящейся к наиболее простым видам чеканки. Таким образом, несмотря на все возможности серебра как материала, который обладает высокой степенью пластичности, якутские мастера с технологической точки зрения использовали те же самые приемы, что и коми, а ранее, возможно, угры и самодийцы при орнаментации поверхности бронзовых бляшек и пластин. Фактически они перенесли этот технологический прием с бронзы на серебро. Несколько реже применялась якутами гравировка, обычно она использовалась для нанесения орнаментов растительного характера, основным мотивом которых был побег, или сюжетных композиций и изображений дерева и фигурок птиц, а также инициалов мастера (МАЭ, колл. 1070–17).

В технике бронзового литья выполнены и накладные бляшки на айнских поясах. Более конкретных сведений о технологии их производства у меня пока нет, но их поверхность также орнаментирована «циркульным» орнаментом, заполняющим ее внутреннюю часть, а по периметру обычно нанесен штриховой узор (МАЭ, колл. 700-2 аб).

Более сложной была техника набивной насечки (таушировки), используемая для отделки пластин наборных поясов бурятами. Напомним, что эта техника широко применялась в конце XIX – начале XX в. для украшения снаряжения всадника и коня всеми скотоводческими народами Южной Сибири и Казахстана и Средней Азии. Впервые она появляется в VII–VIII вв. и сразу на широкой территории от Средней Азии до южной Германии. В начале II тысячелетия она уже известна от степей Хакассии до Восточной Европы, но определить место и время ее возникновения пока не удастся. Есть предположение, что ее происхождение связано с древнетюркской ремесленной традицией, в которой было достаточно широко распространено золочение железных и бронзовых изделий [Вайнштейн 1974, с. 61], но, возможно, истоки ее уходят в хуннское время, а точнее в эпоху великого переселения народов [Павлинская 1987, с. 59–60].

Таушировка относится к типу биметаллических техник, когда в создании произведения используются два материала, например железо и серебро. Технологически таушировка сводится к тому, что поверхность железа насекается зубилом и в эту шершавую основу осторожно вбивается серебро. Анализ техники позволяет определить путь ее развития и выделить в нем различные стадийные уровни, которые определяются формой серебра [Павлинская 1988, с. 82–84]. Это может быть тонкое листовое серебро, узкие полоски листового серебра и, наконец, серебряная проволока. Листовая насечка, восходящая к приему обкладки предмета серебряной или золотой фольгой, считается наиболее архаичной. Стадийно ее сменяет ленточная таушировка, когда поверхность предмета покрывается узкими (4–5 мм) полосками серебра, между которыми остается зазор, и завершает цикл проволоочная насечка, при которой благодаря волоочной проволоке возникает возможность создания орнаментального узора.

На наборных поясах бурят (как, впрочем, и на колчанах, налучниках и сбруе) применялись все три типа насечки. Правда, есть различия в технологической традиции Забайкалья и Предбайкалья. Забайкальские буряты применяли только листовую насечку, при которой насеченная поверхность железной пластины целиком покрывалась листом серебра, а по нему резцом или чеканом наносился орнаментальный узор. Принцип биметаллизма, лежащий в основе таушировки, здесь оказывался скрытым. Пластины выглядели полностью серебряными, т.е. доминирующей оказывалась идея имитации. Более того, для орнаментации пластины мастера использовали резцы и пуансоны с фигурным бойком, т.е. возник совершенно особый подвид техники – гравировка и чеканка по листовой насечке. Неудивительно, что даже специалисты иногда принимают эту технику за серебрение амальгамой.

Предбайкальские буряты использовали все виды серебра, создавая за счет цветового контраста темного матового железа и светлого блестящего

серебра весьма разнообразные варианты орнаментальной разработки поверхности накладных пластин. При использовании ленточного серебра они оставляли зазоры между серебряными полосками, что создавало эффект слегка вибрирующей поверхности. Листовое серебро применялось для изображения лепестков розетки или заполнения поверхности пластин в форме соединенных кругов, но в этом случае серебряным кружочком покрывалась каждая окружность, что позволяло четко выделить конструкцию формы. Серебряной проволокой обычно наносился узор в виде зигзага, как правило, располагавшийся по периметру пластины и подчеркивавший ее конфигурацию. Между тем преобладание листовой и ленточной насечки и очень ограниченное использование проволоки позволяет отнести бурятскую технику таушировки к достаточно архаичной стадии развития этого вида художественной обработки металла, как, впрочем, и аналогичные металлургические традиции тувинцев и алтайцев, особенно в сравнении с изделиями казахских, киргизских, кавказских и восточно-европейских мастеров.

Таким образом, по виду металла, технике и технологии его обработки в наборных поясах народов Сибири выделяются три группы. Это, прежде всего, пояса коми, самодийских и угорских народов и айнов. Здесь вид металла – бронза, технологические способы ее обработки восходят к наиболее архаической стадии металлургического производства. К этой же группе относятся и узкие пояса якутов, украшенные бронзовыми фигурными бляшками. Стадиально более поздними являются якутские пояса с серебряными пластинами. И, наконец, к последней группе следует отнести накладные пластины, выполненные в технике серебряной насечки и украшающие бурятские наборные пояса.

В этой статье не имеет смысла вдаваться в детальный анализ орнамента, украшающего накладные пластины наборных поясов, так как он подробно рассмотрен в фундаментальной работе С.В. Иванова «Орнамент народов Сибири как исторический источник» [Иванов 1963]. Однако необходимо отметить следующее: у всех народов орнамент на металлическом декоре наборных поясов более архаичен, чем на изделиях из других материалов. Так, у самодийцев круглые бляшки часто бывали вообще без орнамента. Здесь уместно вспомнить, что он отсутствовал и на сбруйных наборах раннескифского времени, и на поясных и сбруйных наборах раннетюркского времени. Присутствующий на изделиях коми, а также угров и самодийцев циркульный орнамент сближает эти металлические изделия с костяными. Однако костяные детали, например, оленьей упряжи и другие предметы быта обычно орнаментированы значительно богаче. Отсутствует на бронзовых пластинах и бляшках наборных поясов такой орнаментальный мотив, как зигзаг, широко используемый этими народами в резьбе по кости. И уж совсем ничего общего декор накладных пластин не имеет с изделиями из меха, отличающимися необычайным разнообразием мотивов, хотя и геометрических, но отражающих высокую степень развития орнаментального искусства. Что касается якутов и бурят, то доминирующее положение здесь занимает геометрический орнамент, причем с достаточно ограниченным набором мотивов, в отличие, например, от вышивки, вязаных изделий, резьбы по дереву и ткачества, где

ведущими оказываются или необычайно развитый геометрический орнамент, или криволинейный, или растительный. Это же относится и к наборным поясам айнов.

Следовательно, если обобщить весь изложенный выше материал, то можно сделать следующие выводы:

– Наборные пояса народов Сибири прошли длительный и сложный путь развития, который отражает различные этапы этнической истории населения этого региона.

– Генетически они восходят к древним культурам лесостепной и предтаежной областей Сибири I тыс. до н.э., что позволяет говорить об особом «северном» ареале становления не только собственно наборного пояса, но и металлургической традиции в целом.

– Хотя на протяжении длительного времени на их формирование оказывали воздействие различные культуры кочевых скотоводов Великой Степи, они сохранили свой собственный стиль, что свидетельствует об автохтонности данной культурной традиции.

– Наиболее отчетливо воздействие кочевой культуры степей проявляется в наборных поясах якутов и бурят, хотя и здесь доминирующей оказывается местная художественная традиция.

– Однако с точки зрения техники и технологии обработки металла, а также форм пластин, построения композиции металлического декора и орнаментации наборные пояса народов Сибири отражают в каждой культуре наиболее архаичный ее пласт.

Библиография

- Айбабин А.И.* Погребения конца VII – начала VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 165–192.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Артамонов М.И.* Сокровищница скифских курганов. М., 1966.
- Боброва А.И., Яковлев Я.А.* К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья. Пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61–92.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Гаврилова А.А.* Раскопки второго Катангинского могильника // СА. 1957. № 5. С. 250–268.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Гоголев А.И.* Якуты. Якутск, 1993.
- Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Грибова Л.С.* Декоративно-прикладное искусство коми. М., 1980.
- Давыдова А.В.* О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // СА. 1982. № 1. С. 132–142.
- Деревянко Е.И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Дмитриев А.В.* Ренесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 69–107.
- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Долгих Б.О.* Некоторые вопросы древней истории бурят // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 39–47.
- Дэвлет М.А.* Поясные бляшки Сибири эпохи бронзы. М., 1979.

- Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. Т. 1.
- Зыков М.Ф.* Ювелирные изделия якутов. Якутск, 1976.
- Зяблин Л.П.* Могильник Копены III. Новосибирск, 1977.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. Тр. ИЭАИСССР, новосерия, Т. 81, М.; Л., 1963.
- Каплан Н.И.* Якутские наборные пояса // СбНИИХП. М., 1974. С. 104–114.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
- Константинов И.В.* Материальная культура якутов XVIII в. Якутск, 1971.
- Кочешков Н.В.* Декоративно-прикладное искусство монголоязычных народов. М., 1981.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. // Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 89–90.
- Кызласов Л.Р.* Средневековые древности Западного Забайкалья // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 59–62.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985.
- Магомедов А.Д.* Мужские наборные пояса народов Северного Кавказа: формирование и развитие художественной традиции // СЭ. 1988. № 2. С. 111–118.
- Макарова Т.Н., Плетнева С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 45–52.
- Махова Е.И.* Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 205–210.
- Медведев В.Е.* Пояса Надежденского могильника // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 211–218.
- Мелехов Г.В.* Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402–1413 гг.) // Китай и соседи. М., 1970. С. 251–274.
- Могильников В.А.* Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 29–43.
- Распопова В.И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 72–87.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинуилинские курганы. М.; Л., 1962.
- Павлинская Л.Р.* Художественный металл бурят XIX начала XX в. И историко-этнографическом аспекте. Автореферат: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Павлинская Л.Р.* Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири. (СМАЭ. Т. 42). Л., 1988. С. 71–86.
- Павлинская Л.Р.* Художественный металл в снаряжении всадника и коня у народов Сибири XIX – начала XX вв. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 52–76.
- Павлинская Л.Р.* Некоторые аспекты семантики металлов в культуре тюрков Сибири XIX – начала XX вв. // Культурное наследие народов Сибири: Материалы 4-х Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 181–188.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 1422. М., 1967.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1–99.
- Симонова Е.Н.* Новые археологические исследования аварской эпохи в области Шомодь // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 192–204.
- Сычева Н.* Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана. М., 1984.
- Тумахани А.В.* Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970. С. 67–71.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки культуры манси. СПб., 1994.
- Хабарова М.В.* Народное искусство Якутии. М., 1982.
- Хомич Л.В.* Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 14–29.
- Шелонов О.Н.* Древняя культура Камы. М., 1978.
- Шренк Л.* Об инородцах Амурского края, СПб., 1903. Т. II.